

(Предварительный вариант статьи для издания «Языки мира», выпускаемого Институтом языкознания РАН).

ЦЫМБУРСКИЙ В.Л.

ЭТРУССКИЙ ЯЗЫК

1. Название.

Этрусский язык (англ. the Etruscan , нем. das Etruskische, франц. l'etrusque, итал. il etrusco).

2. Время и место существования языка.

Тексты на этрусском языке засвидетельствованы с начала VII в. до н.э. по начало I в.н.э. Три основных региона его распространения находятся на территории Италии. Среди них выделяется первичный, коренной – это нынешняя историческая область Тоскана между рр. Тибром и Арно, где оформилось этрусское 12-градие с религиозным центром в Вольсиниях (совр. Орвието – из латинского Urbs Vetus «Древний Город»); и два вторичных ареала этрусской колонизации. На юге это часть Кампании, с центром в Капуе и городами Нолой, Помпеями и др. (надписи VI-IV вв. до н.э., более поздние единичны). А на севере – т.н. Паданская или Адриатическая Этрурия в долине р. По, с Фельсиной, Спиной, Мантуей, отделенная от 12-градия Альпами (одна-две надписи VII в. до н.э., основная масса VI-III вв., позднейшие немногочисленные). «Коренная» Этрурия становится объектом лингвистической латинизации с конца II в. до н.э.. Археологический контекст поздних этрусских надписей позволяет считать, что дольше всего, уже рудиментарно, этот язык сохранялся в районе Вольтерры, где последние его памятники появляются в начале I в. н.э.

За пределами этих трех территорий этрусская эпиграфика вкраплениями обнаруживается в Умбрии и Лигурии, особенно интенсивно – на границе Лация в Фалериях, области бытования близкородственного латинскому фалисского языка. До десятка надписей на этрусском найдены в Лации, среди них – относящиеся к VII-VI вв. до н.э., времени правления в Риме этрусской династии Тарквиниев, и отмеченные оригинальностью диалектной фонетики (см.5.1.1.). Вне Италии значительное скопление этрусских граффити видим на Корсике (около 25, почти все V-III вв. до н.э.), единичные находки на юге Франции (Нарбонская Галлия), в области ретов и на севере Африки (в том числе в Карфагене VI в. до н.э.). Непостижим путь, каким оказался в Египте крупнейший из этрусских текстов – религиозный календарь, т.н. «Льняной книги» или «Книги Мумии», использованный для мумификации некой египтянки.

Число носителей этрусского языка в различные эпохи достоверному определению не поддается, как почти во всех случаях с древними языками. По античным свидетельствам (Дионисий Галикарнасский 1,30), тиррены, говорившие на этом языке, называли себя Ρασιέννα. Это слово отражено в этрусских текстах в виде *rasna* (ген. *rasnal*, адъектив *rasnea-*) и одними учеными принимается за настоящий этноним, а другими – за апеллятив со значением «народ» или «государство» (*res publica*). Две надписи *tular rasnal* «границы *rasn'*ы» из окрестностей Кортонь, с северных рубежей этрусского 12-градия (Со 8.1-8,2)¹ позволяют думать, что этот термин мог относиться не ко всему этрусскому народу и пространствам его расселения, даже в Италии, но исключительно к исконной стране этрусов между Тибром и Арно и к его уроженцам.

3. Генетическая принадлежность.

Этрусский язык – представитель тирренской языковой семьи, документированный несравненно богаче других языков, относящихся к ней, – лемносского и ретийского (см. статью «Тирренские языки»). Отношение этой семьи к иным языкам Евро-Азии остается предметом многообразных гипотез и дискуссий.

4. Характер письменности, памятники языка.

Этрусский алфавит создан в начале VII в. до н.э. на основе письменности соседей – греческих колонистов с о-ва Эвбея, заселивших в предыдущем столетии о-в Питекусу (Исихия) вблизи побережья Италии и построивших в Кампании свой город Кумы. Их письмо относилось к той западной ветви греческих алфавитов, где набор графем, заимствованных у финикийцев, был дополнен только знаками φ и ψ для глухих придыхательных [p^h], [k^h]. Первоначальные («модельные») алфавиты Этрурии первой половины VII в. до н.э. (Марсилиана д' Албенья, Витербо, Веи) содержали 26 знаков, включая знаки греческого письма, не востребованные для передачи этрусских фонем – β, δ, ο – а также большой набор знаков финикийского происхождения для спирантов – s ś š ṣ̌ (последний знак X, как известно, служит в западногреческих алфавитах, а также в латинском, записи звукосочетания [ks]). В VII-VI вв. до н.э. этрусские учебные азбуки приспособляются к фонологии этого языка, и в частности, число знаков для спирантов в основном сокращается до двух.

¹ Ссылки на надпись даются в основном по корпусу Г.Рикса (1991), представившему этрусский лексический и грамматический материал с замечательной полнотой. О причинах, по которым оригинальной транслитерации Рикса предпочитаем транслитерацию традиционную, см. ниже. Источники, не отраженные у Рикса, цитируются по 1 тому «Тезауруса этрусского языка», выпущенного в 1978-1998 гг. коллективом итальянских ученых во главе с М. Паллоттино, в единичных случаях (находки 1990-х), по первым публикациям на страницах журнала «Studi Etruschi»; большая Кортонская надпись – по посвященной ей монографии Л.Агостиньяни и Ф.Никосиа (2000 г.).

В VI в. до н.э. письменность этрусков обогащает заимствованный, скорее всего, из Малой Азии – от лидийцев – знак 8 для фонемы [f], которую до этого записывали диграфами <vh> или <hv>. К этому веку относится уже вполне «национальный» алфавит из Рузеллы, насчитывающий 22 знака – a,c,e,v,z,h,θ,i,k,l,m,n,p,ś,q,r,s,t,u,φ,x,f. Очень интересен датируемый следующим веком «северный» вариант этрусского алфавита из Перузии: в нем [f] отсутствует, три знака для фонемы [k] сведены к одному <k>, а в конце приписано слово *abat*, собственно, «азбука». Оно состоит из названий букв, как греч. αλφάβητος, русск. *азбука* или англ. ABC, но курьезным образом, вторая часть –*bat* передает название буквы, уже устраненной из алфавита за ненужностью.

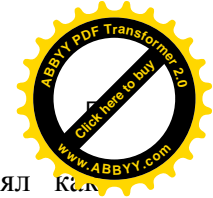
На переходе от архаической эпохи (VIII-V вв. до н.э.) к новоэтрусской (IV- I вв. до н.э.) модифицируются начертания некоторых букв (см. таблицу 1), а кроме того, происходят серьезные изменения, касающиеся способов отражения смычной [k]. При характеристике этих последних новшеств следует иметь в виду разделение Этрурии на две большие культурно-географические зоны: южную, с такими центрами, как Цере, Веи, Тарквинии, Вольсинии, Вульчи; и северную, куда наряду с Ветулонией, Волтерой, Популонией, Аррецием и Кортоной входили самые многолюдные города страны – Клузий Перузия, каждый из которых оставил более 2000 надписей.

Так вот, в архаическую эпоху, на севере, как мы уже видели по перузинскому алфавиту, вырабатывается стандартная передача [k] через <k>, между тем, как юг использовал для этой фонемы три знака – <c>, возникшее из греческой гаммы, <k> и <q>. Иногда наблюдалось некоторое стремление увязать применение того или иного знака с характером следующего гласного – писать, <ce>, <ci> но <ka>, <qu>. Эта установка хорошо видна по веянским и церетакским надписям на сосудах-котолах: Cr 2.18 *mī qutum karkanās* «я – котон Карканы»; Cr 2.30 *mī ates qutum peticinas* «я – котон Ате Петикины»; ve 2.1 *mī aviles aukana qutumuza* «я – котончик Авила Авканы». Но выдерживался этот принцип нетвердо, да и принимался, по-видимому, не всеми грамотными. В Вях и Цере сплошь и рядом писали *sarī*, *karī* «чаша», а в районе Тарквиний даже *qarī*. В Риме VII в. до н.э. появляется написание когномена *Silqetenas* (La 2.3). В Кампании V в. до н.э. имя «Купе» записывают то *qure*, то *sure*, причем в одних и тех же надписях могут рядом стоять *sure* и *qutum* (Cm 3.1, Cm X.1). В результате стремления южных этрусков преодолеть этот разнобой – к V в. до н.э. во всех позициях утверждается графема <c>, а немногим позже ее повсеместно принимает и этрусский север. Лишь местами здесь, особенно в Кортоне и Арреции <k> окказионально применяется до конца их истории, а Ветулония в память об этом знаке отводит усвоенному <c> не его законное второе место в алфавите, а место после <i>, исторически принадлежавшее <k>].

Разделение Этрурии на юг и север принципиально важно для осмысления судьбы знаков Δ и M (семитских «цаде» и «шин»), служивших грекам вариантами сигмы. Этрускологи, транслитерируя эти знаки как s и \check{s} , долгое время расценивали их аналогично. Считалось, что об их эквивалентности говорят колебания в передаче одних и тех же высокочастотных слов – см. $Se\theta re \sim \check{S}e\theta re$, мужское имя; $Aules \sim Aule\acute{s}$, $Velus \sim Velu\acute{s}$, генетивы мужских имен $Aule$ и Vel ; $sex(sec) \sim \check{s}ex(\acute{s}ec)$ «дочь», $\acute{s}u\theta i \sim su\theta i$ «погребение». Это при том, что варьирование наблюдается не только в общеэтрусском масштабе, но зачастую – в соседствующих надписях одних и тех же этрусских городов. Однако трактовка этрусских графем $\langle s \rangle$ и $\langle \acute{s} \rangle$ переменилась в 1960-х гг., когда в распределении этих знаков по словоформам обнаружили два территориально противопоставленных узуса – если угодно, две орфографии: южно- и североэтрусская. При этом оказалось – юг был к своей орфографии привязан очень строго, а север в некотором числе случаев – до $1/6 - 1/5$ от общего массива - обнаруживает южное влияние, обусловленное то ли миграцией, то ли культурным авторитетом южных центров. Так, если обратиться к вышеприведенным популярным формам и проверить их написания по корпусу Рикса, то увидим: на юге $Aules$ ($Avles$) – 10 раз, $Aule\acute{s}$ ($Avle\acute{s}$) - 0, на севере – 50 раз $Aule\acute{s}$ ($Avle\acute{s}$) и 11 $Aules$; на юге 65 случаев $Velus$ и 2 $Velu\acute{s}$, на севере 82 $Velu\acute{s}$ против 10 $Velus$; слово для «погребения» на юге 46 раз записывается как $\acute{s}u\theta i$, один раз $su\theta i$, а на севере – $su\theta i$ 11 раз, $\acute{s}u\theta i$ -1. Если взять имя $\check{S}e\theta re$ вместе с его генетивом $\check{S}e\theta res$, то на юге в анлауте $\langle \acute{s} \rangle$ увидим 27 раз, $\langle s \rangle$ лишь один, а на севере $\langle s \rangle$ – 28, $\langle \acute{s} \rangle$ - ни разу. Окончание генетива этого имени на юге 18 раз предстает в виде - s , один раз как \acute{s} (видимо, описка под влиянием $[\acute{s}]$ начального), зато на севере – 7 раз как \acute{s} и ни одного раза иначе. Слово для «дочери» на юге появится написанным через $\langle s \rangle$ 24 раза, с $\langle \acute{s} \rangle$ ни разу, а на севере почти столько же примеров с $\langle s \rangle$ – 22, зато с $\langle \acute{s} \rangle$ целых 95 (здесь южное влияние достигает 19% случаев). Подобная картина заставляет этрускологов восстанавливать для этого языка два спиранта, отражаемых по южному и северному орфографическим стандартам противоположным способом: если условно представить фонологический облик рассмотренных слов как $[aules]_1$, $[velus]_1$, $[s_2u\theta i]$, $[s_2e\theta re]$, $[s_2e\theta res_1]$, то на юге $[s_1]$ будет нормально записываться с помощью $[s]$, $[s_2]$ через $[\acute{s}]$ а на севере – наоборот.

Г.Рикс пытался связать эту картину с предполагаемой большей частотностью фонемы $[s_2]$ на севере из-за развития здесь сочетаний $[s_1p]$, $[s_1t]$, $[s_1v]$ в $[s_2p]$, $[s_2t]$, $[s_2v]$, о чем якобы говорят одинаковые написания формы $spural$ «города», имен $Spurina$, $Sveitu$ на юге и на севере, а также соответствия вроде юж. $Statie$; сев. $Statina$, юж. $Scanasna$; сев. $Scansna$, юж. $Scevia$; сев. $Scevia\acute{s}$ (варианты женского родового имени $Scevi \sim Scevia$ в генетиве).

Несколько примеров, когда на севере этрусски все-таки писали *špural* Рикс объяснял как подражание южному произношению (см. также раздел 6.0).

Особая школа орфографии сложилась в архаическую эпоху в южном центре Цере. Здесь одним и тем же знаком [s] могли передаваться оба этрусских спиранта, но в то же время по неясным мотивам применялся знак X <š> (*Licinešī*, *Hirsunaiešī*), а кроме того, - местная новация – сигма с четырьмя черточками - [š̄̄̄̄] (*heramašva*, *tešiamitale*, *Ramuθašī*, *Veštiricinala*, *Veletθuš*, *alšase*).

После выхода корпуса этрусских текстов, подготовленного Риксом, многие этрускологи поспешили перенять для этрусских спирантов транслитерацию, введенную этим ученым. Рикс предложил для юга Этрурии передавать знаки Z и M соответственно, через s и σ (*sex*, *σθi*), а для севера – как ś и σ̄ (*śex*, *σ̄θi*). На первый взгляд, эта транслитерация весьма практична, так как позволяет сразу идентифицировать и написание словоформы, и ее местонахождение в Этрурии (на юге или на севере) и ее условный фонологический облик. Но эти достоинства сводятся на нет некоторыми дополнительными методологическими установками Рикса. Так, ориентируясь на южное написание как эталонное, ученый в тех случаях, когда оно проникает на север (например, если здесь пишут *Velus*, а не *Veluś*), не переводит эти случаи в свою транслитерацию (не дает <veluσ>), а так и сохраняет в южной форме, лишь указав на северное нахождение. То есть, для северной эпиграфики различает как варианты не <aules> и <auleσ̄>, но <auleś> и <aules>. Получается, транслитерируя памятники письма одних и тех же городов, он может передавать каждый из двух знаков для спирантов то одним, то другим знаком из своего графического репертуара – (то <s>, то <σ̄>, хоть <ś>, хоть <σ>) - в зависимости от того, усматривается ли им для северной формы соответствие на юге или нет. Применительно к надписям Цере, он проводит, когда это возможно, общеэтрусское различие двух спирантов – невзирая на то, что орфография этого города такого различия могла не предусматривать: печатает *larθialisa* там, где в оригинале имеем *larθialisa*. Очень тяжелый случай - публикация им «Книги Мумии», где и без того налицо безоглядная непоследовательность в записях спирантов: видим в соседних строчках *sealxus* и *sealxuś* «30-ти», *spurestreś*, *spureštreś*, и *spureštres* «для города». Рикс передает одни и те же знаки в этом источнике то «по-южному» (*aiser*), то «по-северному» (*σ̄ulxva*), - причем творит это в тексте, который, по данному критерию, как и архаические церетанские надписи, вообще пребывает по ту сторону оппозиции южной и северной орфографий. Очевидно, что осуждая традиционную транслитерацию за то, что она отождествляет фонетически различные знаки разных ареалов, Рикс со своей стороны произвольно проводит в своем

издании множество различий, отсутствующих в оригиналах. Поэтому мы предпочитаем передавать надписи традиционным способом фиксируя места их нахождения и их номер в корпусе Рикса. Когда же цитируем отдельные словоформы, без указания контекстов, то предпочитаем южный вариант написания, если он засвидетельствован, - а если нет, даем вариант северный с пометкою «сев.».²

Этрусское письмо располагает особыми знаками для числительных 1 (I), 5 (Δ), 10 (X), 50 (↑), 100 (*), 500 (D), 1000 (Φ).³

Направление письма у этрусков – справа налево. Надпись на Капуанской черепахе представляет оригинальный пример этрусского бустрофедона – причем такого, когда при переходе на новую строку буквы переворачиваются «вверх тормашками» по отношению к строке предыдущей. Так что, если для читателя восстанавливается нормальная ориентация букв, то восстанавливается и чтение справа налево.

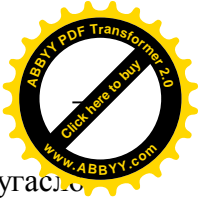
Что касается интерпункции, то с VI-V вв. до н.э. в Этрурии складывается практика разделения слов – тремя (:), двумя (:) или одной точками. Но архаические надписи Южной Этрурии и Кампании дают примеры иного рода – интерпункции слоговой, когда точками специально помечаются слоги, отклоняющиеся от типа «согласный + гласный (СГ) – либо состоящие из одного гласного либо закрытые. Когда слог закрывают несколько согласных, каждый пунктируется отдельно, слоги же, содержащие дифтонг, трактуются в качестве закрытых. Например: См 2.13 mi xulixna cupes • a • l • θ • r • nas • «я – килик Купе Алтерны»; См 2.32 mi limur • ces • ta pruxum • «я – Лимурков сосуд» или многочисленные написания в тексте Капуанской черепахи, вроде TC 8 ísvei • tule iluc • ve a • pirase leθam • sul • ilucu cuies • xu per • pri cipen • a • pires⁴ •

Некоторые авторы (А.Пффифиг, Г.Рикс) склонны были усматривать в слоговой пунктуации, как и в явлении архаических этрусских силлабариев – передаваемых сочетаний согласных с различными гласными (таков, например, силлабарий из Цере VII

² Позволим себе здесь небольшое замечание о принципах цитирования источников в данной работе. Личные имена в надписях всегда, по традиции, принятой у этрускологов, воспроизводятся со строчной буквы, когда же воспроизводятся отдельно от контекста надписей – то с заглавной. Энклитические частицы –с и –um в надписях выделяются дефисом – для лучшего выявления грамматических (не фонетических) словоформ.

³ В работах Рикса и К.де Симоне находим интересное объяснение генезиса этрусского и латинского знака X для «десятки»: якобы, в VII в. до н.э. этот знак – этрусское <ś> - первоначально использовался этрусками для сокращенной записи их слова sar, ген. saris «10».

⁴ По этому очень темному контексту хорошо видна известная особенность слоговой нотации в надписи на Капуанской черепахе – неотмечаемость слога, состоящего из гласного [i]. Кроме того, на примерах этого пассажа и воспроизведенной чуть выше надписи См 2.13 видно, как слоговая пунктуация – в тех случаях, когда помечается конечный закрытый слог перед гласным началом следующего слова – естественно трансформируется в маркер словораздела.

в. до н.э.) – продолжение традиций эгейского слогового письма. Однако последнее угасло за 500 лет до появления первых этрусских надписей, и пока нет свидетельств, которые позволили бы заполнить эту пропасть. Столь же проблематичны попытки И.Гельба возвести эти факты к традициям ближневосточной семитской письменности и Ф.Слотти – вскрыть за этрусской слоговой интерпункцией практику некой (храмовой?) школы писцов, опиравшейся на изощренный анализ просодики своего языка.

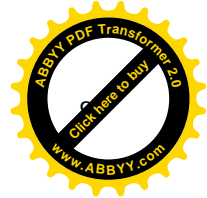
Общий объем этрусских памятников оценить сложно. Продолжает выходить «Корпус этрусских надписей», где число учтенных текстов уже превысило 12000: в то же время он включает и много явно неэтрских надписей, - например, фалисских, а отдельные тексты, помещенные в него, со временем дезавуированы как фальшивки. Ориентировочно за базисный свод свидетельств этрусского языка может быть на сегодняшний день принято издание Рикса (1991г.), насчитывающее их порядка 10600. Среди них выделяются обширные и хорошо разработанные филологами группы более или менее стандартных надписей, как правило, небольшого размера – подарочных, надгробных, посвячительных и т.д.

На сегодня крупнейшим из известных этрусских текстов является «Книга Мумии» (порядка 1200 слов в сохранившейся части), за ней следуют надпись на Капуанской черепице (около 300 слов), Большая Кортонская надпись (199 слов, не считая частиц –с и –um), надпись с перузинского столба, содержащая договор между семействами Велтина и Афуна (Pe 8.4 – 136 слов), пластинки с записями религиозного содержания из Санта Маринеллы и Мальяно (Av 4.1, Cr 4.10, объемом в 60 и 70 слов), большая надгробная надпись Ларса Пулены из Тарквиний (Ta 1.17 – уцелели 69 слов) и т.н. магические «таблички проклятий» из Популонии (Po 5.22) и Вольтерры (Vt 4.1) (55 и 83 слова, в последнем случае существенно поврежденных). По своему содержанию значительный интерес представляют и некоторые сравнительно небольшие тексты – например, надписи из храма богини Уни в Пиргах, описывающие закладку храма церетанским правителем Vв.до н.э. Тэфарием Велианой (Cr 4.4-5, 36 и 15 слов) или строительная надпись братьев Авла и Ларта Преку из Перузии (Pe 5.22 – 22 слова).

5. Лингвистическая характеристика.

5.1.1. Фонологические сведения; ударение.

Элементы этрусской фонологии восстанавливаются по особенностям алфавита, по колебаниям в написаниях словоформ этого языка, по этрусским отражениям греческих слов и латинским передачам этрусских имен. Традиционно этрусский консонантизм представляют примерно в следующем виде (таблица 2).

Т а б л и ц а 2

	смычные		спиранты		аффрикаты		сонорные
	непридыхат.		придыхат.				
Лабиальные	p	φ	f	v			m
Дентальные	t	θ	s ₁		z		n l r
Палатальные			s ₂				j
Гуттуральные	k	χ					
Фарингальные				h			

Надо отметить, что фонема [φ] встречалась очень редко (в основном в греческих заимствованиях). Иногда усматривается ее переход в спирант [f] – например, при сравнении новоэтр. *afrs* (*naces*) «отцов, священных предков» (от ара «отец») с архаич. *afes* предположительно то же в тексте на Капуанской черепице (сопоставление М.Паллоттино); ср. еще клузинское вариантное написание этника *Safate(s)* «Капуанец» через *Safates*, отражающее конвергенцию двух фонем.

Стоящая, как правило, за графемой [z] зубная аффриката проступает наглядно в случаях ее альтернативной записи через <ts> (как в *Veltsnei*, *Veltsnal* при обычных *Velznei*, *Velznal*) и в применениях <z> для передач греческой последовательности [διο] (*ἸΑρκάδιος* > *Arkaza*, *Διομήδης* > *Ziumite*, *Παλλάδιος* > *Palazus*). Однако, встречаясь с варьированием вроде *Selvansl* > *Selvansel*, *Selvanzl*, иногда предполагают в <z> передачу озвонченного варианта фонемы [s₁]. Необъясненным остается спорадическое использование этой же графемы в Вольсиниях вместо <s>, а в Клузии и Перузии вместо <ś> для записи окончания генетива – *Aulez*, *Cainiz* (Клузий), *Vipiaz*, *Titiz*, *Clantez* (Перузия), *Tetinaz*, *Celez* (Вольсинии).

Члены пар *p~φ*, *t~θ*, *k~χ* образуют фонологические оппозиции, ср. такие пары слов как *thesns* «зари»: *tesns* «закона» (сев.), *cis* «трех»: *χis*, местоименная частица, а, кроме того, паронимы вроде *teurat* «судья»: *θευρι* «бык», *serine* «встал, был поставлен»: *Xeritnei*, женское родовое имя. В заимствованиях из греческого придыхательные обычно передаются этрусскими буквами <φ>, <θ>.<χ> (*Θησεύς* > *Θese*, *Θέτις* > *Θetis*, *Φιλωτις* > *Philutis*, *Φοίνιξ* > *Phuinis*, *Μαχάων* > *Maχan*, *ἸΑχιλλεύς* > *Aχle*), а греческие непридыхательные смычные, звонкие и глухие – буквами <p>, <t>,<k>. (*Πενθεσίλεια* > *Panθsil*, *Pentasila*,

Βάκχος > Ραχα-, Ραχies, Αιδης > Aita, Eita, Οιλιάδης > Vilatas, Γανυμήδης > Catmite, Τηρέσιος > Teriasals, Ικάρος > Vikare⁵.

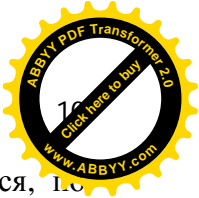
Обычно для этрусского предполагаются две позиции, в которых нейтрализовались противопоставления придыхательных и непридыхательных смычных. Во-первых, это конец слова, - ср. варианты написаний *sex/sec* «дочь» (на севере *śex/śec*), *zilc/zilχ*, название высокой должности вроде латинских консульства или претуры, *tevaraθ/teurat* «судья», *zilaθ/zilat* «магистрат, исполняющий должность *цилк*»⁶ *marunux/marunuc* «маронский, соединенный со статусом *марона*»,... *ruia-c/ruia-χ*, «...и жена» (форма со связкой -c), *Ar(a)nθ/Arnt*, *Larθ/Lart* (популярные мужские имена). Другой позицией нейтрализации после исследований К.де Симоне, считается положение смычного в инлауте рядом с сонорным или спирантом: *Arnθal/Arntal*, *Larθal/Lartal*, генетивы только что приведенных мужских имен, *Śeθre/Śetre* – мужское имя, *Larθi/Larti*, *Ravunθu/Ravuntu*, *Hasti/Hasθi*, женские имена, *Marcna/Marχna*, когномен от личного имени *Marce*, *Cutnas/Cuθnas*, вторичный когномен от *Cutu*, мифонимы *Sisθe/Sispe* < *Σίσυφος*, *Hercle/Herχle* < *Ηράκλης*, *Urusθe/Uruste* <, *Opέστης*, *Aχmemγun* < *Ἰαγαμέμνων*.⁷

Однако еще в 1974г. взгляд на соседство со спирантом и сонорным как на позицию нейтрализации двух рядов смычных был оспорен фонологом Э.Девайном – и его работа вылилась в попытку общей ревизии представлений об этрусской фонологической системе. Девайн показал, что при попытках записи этрусских имен в латинизируемой Этрурии латинскими буквами придыхательные смычные передаются знаками для латинских глухих или диграфами вида «глухой+H» (*Θana* > *TANA/THANNIA*, *Aχu* > *ACONIUS/ACHONIUS*, тогда как непридыхательные могут отражаться в виде глухих или звонких (*Ραρασα* > *PABASSA*, *Ute, Utie* > *OTI/ODIE*, *Matui, Matuia* > *MADUIA*, *Titi* > *TIDI*).

⁵ Случаи наподобие *Αιθα* «Аид» вместо *Aita* или *Ziumiθe* «Диомед» вместо *Ziumite*, согласно гипотезе Э.Девайна (см. ниже) объясняются как гиперкорректные реакции на процессы деаспирации в середине слова. Но непонятны запись имени греческого Персея (*Περσεύς*) как *Perse*, наряду с *Perse*, и отражение греч. *κόθων* «фляга» в виде *qutun, qutum*.

⁶ Долгое время формы *zilc* и *zilaθ* рассматривались в этрускологии как синонимы. Картину изменила Большая Кортонская надпись с оборотом *zilci Larθal Cusuś* «в *цилк* Ларта Кусу...», где явно представляет *цилк* – название должности, а не ее исполнителя. После этой находки, как то часто бывает, стали заметны различия в лексико-синтаксической сочетаемости *zilaθ* и *zilc*: обычно пишут *zilaθ amce* «был *цилатом*», но *zilc...tenu* «исполнял (-вши)...*цилк*», но лишь в порядке исключения *zilc* подменяет собою *zilaθ*, вступая в сочетание с *amce* (примеры читатель найдет дальше в статье). Кстати, слово *seren*, до сих пор всегда переводившееся как «жрец», тоже выступает дополнением при *tenu* и, может быть, должно переводиться «жреческий сан, жречество».

⁷ Иногда оговаривают, что нейтрализация этрусских смычных после спиранта охватывала и начало слова, ссылаясь на мифоним *Stenule* < *Σθένελος* и варианты родового имени *Σχαθna* ~ *Scatna*.

Точно такое же распределение рефлексов, а вовсе не нейтрализация наблюдается, в Девайн, рядом с сонорными и спирантами: *Šeθre* > *SETHRE*, *Tarχna* > *TARCNA*, но *Larce* > *LARGE*, *Petrus* > *PEDROS*, *Clante* > *CLANDIUS*, *Lutni* > *LUDNIAE*, *Percumsna* > *PERGOMSNA*, *Curstle* > *CORSDLE*, ср. также *Carcna* > *GARGONI* с ассимиляцией начального смычного срединному. Учитывая случаи таких колебаний в самом этрусском, как *śuθi* > *śuti* «погребение», *lautniθa* > *lautnita* «вольноотпущенница». Девайн предположил, что в середине слова и, особенно, в контакте с сонорными и спирантами, старая оппозиция «глухие придыхательные: глухие непридыхательные» (вероятно, сохранившиеся в анлауте) трансформировалась в новую оппозицию «глухих смычных: звонких смычных». По его мнению, написания типа *Herχle* вместо *Hercle* могли выражать не нейтрализацию [k]~[χ], а попытку приспособить привычные графемы для обозначения членов новой инлаутной оппозиции.

Вместе с тем несколько примеров соответствия латинского [D] этрусскому [θ] (*Larθi* > *LARDIA*, *lautniθa* > *LAUTNIDA*, *Qana* > *DANA*) заставили Девайна допустить существование особого говора или стиля произношения, где бы [θ] артикулировалось как озвончаемый межзубный спирант [P]. Эта догадка подтвердилась уже в 1980-х, когда в области Клузия был найден ряд надписей, где имена *Arnθ*, *Larθi*, *Qania* представляли в виде *Arnφ*, *Larφi*, *Fania*. Здесь древний знак <φ> явно соотносится со спирантом [f], который развивался из фонемы, некогда передававшейся этим знаком. А вот употребление <φ> вместо <θ> может быть объяснено только местной реализацией последней фонемы в виде [P] и тенденцией к смешению двух спирантов. Это явление, по-видимому, параллельно процессу в итальянских языках, где спирант [f] предстает как результат совпадения рефлексов и.-е. *bh и *dh.

Новую, более радикальную попытку пересмотреть этрусскую фонологию предпринял в 1984г. Рикс. Он отталкивался от склонения имен *Ar(a)nθ* и *Larθ*, у которых в генетиве написания *Ar(a)nθal* и *Larθal* чередуются, соответственно, с *Arnθeal/Arnθial* и *Larθeal/Larθial*. Последние в архаическую эпоху выступают как *Ar(a)nθia* и *Larθia* (см.5.2.1). Рикс отмечал ранние отражения конечного зубного смычного этих основ в виде аффрикаты в диалектах «этрусского Рима» и Цере VII-VI вв. до н.э.: *Araz* < *Aranθ*, *Araziia* < **Aranθia* в Риме, *Larziia* < **Larθia* в Цере (La 2.3-4; ср 2.68).⁸ Обратив внимание также на архаический генетив *cliniaras* «сыновей» при обычном новоэтр. *clenar* «сыновья» (сейчас

⁸ Поскольку в Цере VII-VI вв. до н.э. неоднократно видим написание *Larθia* (ср.2.10-14, 2.32, 2.64), то в *Larzia* из Сг.2.68 можно предполагать римско-этрусскую диалектную особенность, irradiровавшую в соседнюю цетанскую область.

Большая Кортонская надпись явила более точное написание *cleniar*) и написание *Velia* (женское имя) вместо *Velia, Vilatas* < Οἰλιάδης, *Melacre* < Μελέαγρος, *Ariaθa, Araθa* < Ἀριόδνη, ученый по праву констатировал существование в этрусском палатализованных смычных и сонорных. Но он предположил и большее – что фонемы [φ], [θ] в этом языке были, собственно, не придыхательными, а палатальными, для которых использовались обозначения женских придыхательных, как <θ> для палатализованного зубного в мессапском алфавите.. Вместе с тем, по разным соображениям, Рикс постулировал: а) шипящий, средне-небный характер фонемы [s₂]; б) реализацию [χ] как заднеязычного спиранта; в) вслед за Дивайном - возможность того, что графема <θ> в некоторых случаях скрывает за собою не палатальный смычный, а межзубный спирант. В конечном счете он двигался к своей пратиреннской фонологической реконструкции с двумя смычными и двумя спирантами в каждом локальном ряду [p], [p'], [f], [x^v]; [t], [t'], [s], [P]; [k], [k'], [š], [χ], из которой консонантизм исторического этрусского выводился бы устранением убедительно реконструируемого огубленного спиранта *x^v (вот только спиранта ли, как думал Рикс, или смычного?) и предполагаемым развитием *k' в аффрикату [z] (см. статью «Тирренские языки»).

Впечатляющая во множестве деталей, но крайне умозрительная в целом схема Рикса вызвала серьезные возражения среди лингвистов. В частности, фонолог К.Буассон показал, что предполагаемая для этрусского система смычных [p],[p'],[t],[t'],[k] оказывается едва ли не уникальной среди языков мира. По его мнению, реконструкция обрела бы неизмеримо большую типологическую достоверность, если бы оппозиция «палатализованных:непалатализованных» не была единственным различием среди смычных по способу артикуляции, но в каком-то локальном ряду (или в нескольких рядах) пересеклась бы с другой оппозицией – например, «придыхательных:непридыхательных» или (в инлауте, по Девайну) «глухих:звонких». Можно добавить, что попытки использовать в подкрепление схемы Рикса клузинские граффити, где <φ> появляется вместо <θ>, не достигают цели. Ведь, согласно этому ученому, за графемой <θ> должны бы скрываться две разные фонемы: в одних случаях, типа *Arnθ, Larθ, Larθi* – палатализованный смычный, а в каких-нибудь других – межзубный спирант. Но словоформы *Arnφ, Larφi* обнаруживают спирантное произношение не где-нибудь, а именно там, где Рикс выявил палатализацию.

Итог таков, что для этрусского убедительно восстанавливаются зубные палатализованные – один или два смычных, а также сонорный [n'], вероятно и [l'],[r']. Для

других классов фонем палатализация возможна, но не доказана. Как она соотносится с оппозицией придыхательных и непридыхательных, остается неясным.

Особую, большую проблему представляет противопоставление двух этрусских спирантов [s₁] и [s₂]. Об открытии этой оппозиции на основании статистического распределения передач различных словоформ в надписях севера и юга Этрурии уже говорилось выше (п.4.0). На сегодняшний день она допускает три основных возможных истолкования:

- 1) Латинские «транскрипции» этрусских форм из Клузия (сев.) *Hanusa*, *Parasa*, как *HANOSSA*, *PABASSA*, да и случаи собственно этрусских написаний типа *Presntessa* в Вольтерре (сев.) могут говорить о напряженной артикуляции [s₂], согласуясь с трактовкой оппозиции также и двух рядов этрусских смычных в качестве «напряженных : vs. ненапряженных».⁹

- 2) Сопоставление рефлексов основы числительного «шесть» - простое *ša* «б», но *šalx* «б0», ср. лемн. *sialxv(e)is* «б0-ти» - подсказывает, что оппозиция этрусских спирантов могла бы быть оппозицией «палатализованных:непалатализованных» (или, во всяком случае, была способна с последней комбинироваться).

- 3) И, наконец, версия Рикса, предполагающая оппозицию «свистящий : шипящий», имеет в своем активе удачное объяснение того факта, что ряд основ с сочетаниями графем <sp>, <st>, <sc>, <sv> одинаково записываются на юге и на севере. Она усматривает в этих случаях развитие раннеэтрусских групп [sp], [st], [sk], [sv] в северные «шепелявые» [šp], [št], [šk], [šv].

Упомянутые *HANOSSA*, *PABASSA*, *Presntessa* своимписанием вовлекаются в более широкую проблематику этрусских долгих согласных. На нее наталкивают как формы в этрусских надписях *tanna*, *Aville*, *Villanas*, *Callia*, *mulvannice*, *turannuve* (наряду с *Avile*, *Calia*, *mulvanice*, *turanuve*), так и «транскрипции» вроде *VIBINNAL*, вар. *VIBINAL* < *Vipinal*, *PACINNEI* < *Pacinei*, *THANNIA* < *Thania*. В этом удлинении интервокальных носовых и плавных, а может быть и спирантов, которое едва ли способно было породить новый фонемный статус, скорее сказалась тенденция языка к образованию новых закрытых слогов, вероятно, во многих случаях скрадывавшаяся на письме.

Этрусский вокализм включал фонемы [i], [u], [e], [a]. При этом «транскрипции» показывают, что фонема [u] реализовалась как звук, промежуточный между латинскими

⁹ Но стоит заметить, что с точки зрения исторической морфологии членные формы на [-s₂a] представляют, собственно, сочетания генетива на [s₁] (*Hanus₁-*), [*Pabas₁-*] с местоимением [-s₂a]. (см.5.1.1). Поэтому напряженная (долгая) артикуляция [-s₂-] в *Hanus₂a*], [*Pabas₂a*] могла бы объясняться тем, что за этим звучанием имеем морфологически обусловленное стечение двух спирантов, [-s₁s₂-] из которых первый ассимилировался вторым.

[u] и [o], даже более напоминаящий [o] – по крайней мере, в позднюю эпоху этрусского языка: ср. Fuluni > FULONI, но Qucerna > THOCERONIA, TOCERONIA, Petrus > PEDROS, Qurmna > THORMENA, Huluni > HOLLONIS, Percumsna > PERGOMSNA. Показательны две передачи этр. Utani - «транскрипцией» OTANIS и в виде латинизированного Utanius. Неизвестно, были ли в этрусском долгие гласные, хотя вопрос о них вставал в связи с такими изолированными случаями, как написания θii, manim вместо θi manim или долгота в латинском заимствовании sūbulo «флейтист» < этр. suplu. Во всяком случае, к этой теме не имеют отношения случаи с диграфом [ii] перед гласным (Kaviiesi, Hulxniiesi, Vipiia, Larθiia), где второе [i] передает глайд [j].

Скорее в пользу существования в этом языке долгих гласных говорят косвенные аргументы, - например, следующий. Уже в архаику зарождается, чтобы победить к началу новоэтрусской эпохи, тенденция расширения в начальном слоге [i] > [e] перед слогом, содержащим [a] или [e]: (местоимения) isa, ita «этот» > esa, eta; mine «меня» (вариант к mini) > mene (уже в Веях VIIв. до н.э.), личное имя θefarie (Цере Vв. до н.э.), θefrie итал.*Tifarios, лат. Tiberius, когномены Licinie > Lecne, *Crispe (лат. Crispus) > Crespe, теоним Selvans < итал. *Silvanos, лат. Silvanus: возможно, архаич. cliniar- «сыновья» (ген. clniaras) > новоэтр. clenar, cleniar. Очень интересно латинское имя богини Minerva, которое в этрусских памятниках стало Menerva, Menrva, а римлянами было сохранено в старой этрусской форме от эпохи правления в Риме в VII-VI вв. до н.э. этрусской династии, по преданию, включавшей Минерву в триаду своих величайших божеств. Но есть основы, где это расширение не состоится, например, союз ipa «где», глагол linei «сделал, соорудил», теоним Cilen. Возможное объяснение как раз и могло бы быть связано с различием судьбы разных [ī] - долгого и [i] краткого.

Этрусский знает дифтонги [ai] (ais «бог»), [ei] (leine «умер», ei/ein частица с вероятным значением «не»), [au] (личное имя Aule, θaura «гробница», lautnes- «семья» (ген.); [eu] (leu «лев», teurat «судья»), [ui] (Puinel «пуниец»). Их фонологическая характеристика спорна. Варьирование Aule~Avle, Raunθu~Ravnθu, lautni~lavtni «зависимый человек, familiaris», как и особенности архаической внутрисловесной пунктуации, приравнивающей неслоговой элемент дифтонгов к консонантному «закрытию» слога – скорее, говорят об их бифонемности в этрусском.

Дифтонг [au], при помощи которого этруски, в частности, передают [ou] итальянских заимствований иррегулярно монофтонгируется в [a], например, Raunθu~Ranθu, lautni~latni, итал. *Roufos «Рыжий», лат. Rufus > этр. Raufe, Raufi~Rafi, итал. *Loukanos, лат. Lucanus > этр. Laucane~Lacane. Неясно остается соотношение между рефлексами той

этрусской основы, которая запечатлелась в лат. *lucumo*, *-onis* как прозвание для «царя Этрурии», ср. этр. *lauxumneti*, локатив, указующий в «Книге Мумии» IX f2, место совершения некоего ритуала («царский дом»?), когномены *Lauxume(s)*, *Lauxme(s)*, *Lauxumsna*, *Laxumni*, *Lauxusie(s)*, *Lauxusiena(s)*, но с другой огласовкой *lucairce*, глагол в претерите со значением «отправляя власть вроде царской» (Ta 1.17).

Судьба дифтонгов [ai] и [ei] в этрусском сводится к их конвергенции в звучании, близком к монофтонгу [e]. По-видимому, раньше всего трансформация [ai] произошла в окончаниях. Так, окончание претерита I - где [ai] свидетельствуется двумя надписями VII в. до н.э. (Cr 0.4; AT 0.1) с формой *akarai* «создал» и подтверждается лемносскими параллелями - демонстрирует с VI в. до н.э. исключительно [e]: *mulvene* «подарил», *ame* «был». Вероятно, к этому же времени монофтонгируется реконструируемый дифтонг [ai] в окончаниях локатива основ на -а типа *mutne* «в саркофаге» < **mutnai* при *mutna* «саркофаг» (см.5.2.1). В V в. до н.э. в надписи Cr 4.5 из Пирг имя правителя Цере Тефария Велианы уже гиперкорректно записывается *θefariei* вместо *θefarie*.

Изменение звучания дифтонгов в корнях слов фиксируется немного позже – с начала новоэтрусского периода. Личное имя, писавшееся в VI в. до н.э. *Snaive* (лат. *Gnaevus*), в IV в. до н.э. передают как *Sneve*. Имя знатного рода Кайкна в Вольсиниях этого века записывается двояко – и традиционно *Caicna*, и по-новому *Sesna* (Vs.I.115;4.37), Клузий же и Вольтерра в эту пору передают его через *Seicna*. Тот же век примечателен наметившимся колебанием в мифонимах *Aita~Eita* «Аид», *Aivas~Eivas~Evas* «Аякс». Еще через два-три столетия составитель «Книги Мумии» будет безразлично писать в соседних строчках *ais~eis* «бог» и также *aiser~eiser* «боги», *aisna~eisna* «богослужение, жертва», привычно воспринимая эти диграфы как способы передачи одного и того же звучания.

Впрочем, орфография то и дело вступает в арьергардные бои с преобразующейся фонетикой. Название рода «Кайна», на юге с IV в. передаваемое как *Seina*, в Клузии до конца его истории записывают через *Caina*, хотя древний когномен *Paithuna* здесь прочно получает вид *Peθna*. Женские родовые имена с показателем -i даже в последние века Этрурии сохраняют в исходах написание (-ai) (*Cainai*, *Viśnai*, *Śeθnai*), наряду с (ei) (*Cainei*, *Viśnei*, *Śeθnei*), а -e в этих формах обнаруживается как редкая случайность – таковы, например, в том же позднейшем Клузии имена *Velia Tutne* и *Θana Peθne* (Cl I.93, I.2061).

Если говорить об этрусской акцентуации, то среди этрускологов господствует мнение, что где-то в VI-V вв. до н.э. в этом языке установилось динамическое начальное ударение, ответственное за ряд явлений, типичных для его фонетики. Таковы: нейтрализация тембра гласных в срединных слогах (самые ранние примеры – колебания

mulvanice~mulvenice~mulvunuce в подарочных надписях VI в. до н.э., разнбой в передачах когномена Тefария Велианы Velianas~Veliiunas по надписям из Пирги V в. до н.э., в том же веке в Цере написание Avale вместо Avile, древней формы имени «Авл»Aule), с тенденцией к сингармоническому уподоблению этих слогов начальному, реже – конечному (Ευτέρπη > Euturpa, Κλυταιμίστη > Clutumusta, Ὀρέστης > Urusθε, Ἄρτεμις > Aritimi); синкопа (Ηράκλης > Hercle, Πολυδεύκης > Pultuce, арх. zixvanace «надписал» > новоэтр. zixunce, арх. zinace, zineke «изготовил» > новоэтр. zince, арх. alice «принес» > новоэтр. alce; когномены Tetina > Tetna, Caicensa, лат. Caicina > Caicna от Caice, лат. caecus «слепой» и т.д.); возникновение слоговых сонантов Ἰαλέξανδρος > Elaxsntre, Αραθ > Arnθ (с вторичной вокализацией (vacil «приношение» > vaci > vacal).¹⁰ Сюда же надо прибавить анаптиксы, разбивающие как вторичные, возникшие вследствие синкоп, так и первичные, изначально присутствовавшие в словах-заимствованиях скопления согласных (Hercle<Hercle, Kasutru<Kastur, греч. Κάστωρ; Aritimi < Αρτεμις и т.д.). Каждое из этих явлений иллюстрируется в этрускологических компендиях большим числом примеров, создающим картину языка сплошных синкоп и анаптикс.

5.1.2. Слог.

Этрусский язык знал виды слогов Г (avil, acil), СГ (marunu, cerine), ГС (arce, an), СГС (sex, cepen), СГСС (zilc, cilθ, Larθ), ССГ (clenar), ССГС(С) (clan, cver, clens), СГССС (cilθs). При анализе этрусских слоговых цепочек на основе письменных памятников возникают три основные проблемы. Первая – проблема дифтонгов – считать ли их за единый гласный или за сочетание СГ. Вторая – проблема потенциальных слоговых сонантов – причислять ли их к согласным или к гласным. Как, например, интерпретировать звуковую структуру слова Menrva – СГСГСГ (Me-nr-va) или СГСССГ (Men-rva)? Третья проблема сопряжена с отмеченной в 5.1.1. возможностью функционирования не отражаемых на письме интервокальных долгих плавных (и спирантов), образующих закрытые слоги, которые ускользают от анализа.

Ниже приводится подсчет отношения числа согласных к числу гласных по ряду крупных текстов новоэтрусского периода. При подсчете сонорные принимались за согласные, дифтонги – за гласные, проблема долгих плавных игнорировалась. Для перузинской надписи Авла и Ларта Преку (Ре 5.2) отношение согласных к гласным составило 1,4; для тарквинийской надписи Ларса Пулены (Та 1.17) – 1,8; для параграфа У «Книги Мумии» -

¹⁰ Формы Araθ, Araθ(i)a, Araθiale Aranθ-, Arnθ могут отражать либо переход слогового [ŋ]>[a] в Arnθ, либо же развитие носового [ã] из [an] еще в полисогласном варианте Aranθ- (ср. написания Puriu>Punruu вместо Purnruu, передающие звучание [Pũruu]).

1,7; для стороны А Большой Кортонской надписи – 1,6. Предположительные поправки 1,4 – альтернативную трактовку дифтонгов и слоговых сонантов во всех этих случаях не смогли изменить калькуляции сколько-нибудь существенно. Получающийся разброс 1,4 – 1,8 при средней величине 1,6 не выглядит чем-то экстраординарным для выборки текстов, относящихся к разным регионам и различным жанрам (строительная надпись, торжественная эпитафия, историческая надпись, ритуальная инструкция).

5.1.3. Типы фонологических и морфонологических чередований.

Морфонологические чередования, восстанавливаемые для дописьменной эпохи в истории этрусского языка, в историческое время уже теряют фонетическую обусловленность, становясь явлениями собственно морфологической техники.

Некоторые авторы объясняют перегласовку в формах *clap* «сын»: арх.ген. *cliniaras* «сыновей», новоэтр. ном. *clenar*, *cleniar* «сыновья», или в *caresri* «надлежит (-ало) поставить»: *seine* «встал, был поставлен» и в некоторых иных, менее ясных случаях как явлением умлаута, обусловленного палатализацией следующего смычного. Для форм множественного числа от *clap* такое истолкование возможно, но объяснение парадигмы единственного числа – с новоэтр. ген. *clens* «сына», арх.дат. *clinsi*, новоэтр. *clensi* «сыну», особенно общекосвенной формой *clen* в конструкциях *clen sexa* «ради сына» и *clen θunxulθε* «по праву(?) сына», отличающейся от номинатива только корневым гласным – даже если исходить из фонетических предпосылок, требует массы аналогичных допущений, превращающих данную перегласовку для времени письменных памятников в явление сугубо морфологическое. Еще сложнее дело обстоит с формой *seine*: здесь во всяком случае не могло быть таких фонетических условий для расширения [i], предполагаемого как результат умлаута, в [e], которые видим в *cliniar > clen(i)ar*, (где была налицо позиция перед широким гласным в следующем слоге). В общем, нет никаких препятствий к тому, чтобы трактовать этрусскую перегласовку как чисто морфологический аблаут.¹¹ И едва ли причисляемые порою сюда же пары слов в надписях из Пирги Ст 4.4-5 *sal* (имя): *selace* (глагол), *θemiasa:θamuse* (глагольные формы) могут изменить это положение.

Г.Рикс выявил важнейшую морфонологическую новацию раннеэтрусской эпохи, условно датируемой временем между отделением праэтрусского от лемносского и

¹¹ Надо сказать, что обычно огласовку архаических форм *cliniaras* (в Тарквиниях), *clinsi* (в Фалисской области) принимают за древнейшую, а е-огласовку новоэтр. *clen(i)ar* – за вторичную. Но обязательна ли такая трактовка? Не может ли корневой вокализм *cliniaras*, *clinsi* представлять тарквинийско-фалерийское диалектное произношение общеэтр. **klen*' (отраженное, по существующей гипотезе, также в лат. *cliens*, *-entis*, название зависимого человека, пребывающего в положении «квази сына» по отношению к «квази-отцу», патрону)? При нынешнем состоянии фактологической базы вопрос остается открытым.

появлением первых этрусских надписей. Такой новацией явилось сокращение в номинативе ряда старых именных основ на гласные, относящихся к I склонению: *sexi- «дочь» > ном. sex, ген. sexi-s, *huθi- «4» > ном. huθ, ген. huθi-s; *zaθrumi- «20» > ном. zaθrum, ген. zaθrumi-s; *sari «10» > ном. sar, ген. sari-s; *Velu, *Velθuru,-а мужские имена > ном. Vel, ген. Velu-s, ном. Velθur, ген. Velθurus редко Velθuras;¹² *Θαναχvīlu, женское имя > ном. Θαναχvīl, ген. Θαναχvīlu-s; *klin'ara или klen'ara «сыновья» ср. новоэтр. ном. cleniā, арх.ген. cliniāras; *meθlume «страна» > ном. meθlum, ген. meθlume-s.¹³ Это сокращение не затронуло многих продуктивных словообразовательных типов: адъективов с суффиксами -χva, -na, уменьшительных на -za, -iu, -icu (см.5.2.2) и т.д. В целом ряде случаев мы не можем объяснить, почему некоторые основы сохраняют в номинативе конечные гласные: например, ном. θaura «гробница»: ген. θaura-s; Aule, Raunθu, личные имена: ген. Aule-s, Raunθu-s; śuθi «погребение»: ген. śuθi-s. Это та ситуация, когда остается апеллировать либо к оппозиции долготы: краткости гласных, либо к разноместности ударения в раннеэтрусском, либо, наконец, к обеим этим гипотезам сразу. Важно, что в результате избирательного сокращения в номинативе каждая группа основ I склонения, оканчивающихся на определенный гласный, распадается на две подгруппы – с сокращением и без нег. В конечном счете, как показал Рикс, это приводит к переразложению основ первой подгруппы – с сокращением. Они начинают восприниматься в качестве основ на согласный (типа θesan «заря»: ген. θesns), а в косвенных падежах вокальный исход этих основ отходит к падежным окончаниям, которые теперь выступают как множество алломорфов, распределенных между конкретными словами. Так, генетив выступает в вариантах -s, -us, -is, -es, -as (θesn-s, sexi-s, Vel-us, meθlum-es, cliniā-as). Итогом этого развития становится образование для некоторых «переразложенных» имен новых падежных форм от сокращенной основы номинатива: huθ-s, zaθrum-s, Velθur-s, meθlum-t.

Опять-таки, как в примерах с перегласовкой, явление, которое первоначально должно было вызываться фонетическими факторами, в историческое время целиком переходит в область и ведение морфологии.

¹² Реально сокращение основ в номинативе должно было произойти раньше третьей четверти VIIв. до н.э., когда в Вях появляется запись формы Velθur (Ve 6.1) – по-видимому, самая ранняя фиксация сокращенной основы на гласную в этрусской письменности.

¹³ Напоминаем, что здесь, как и во всех случаях, где нам не приходится акцентировать различия фонетики и письма, мы, по возможности, воспроизводим этрусские словоформы в «южной» орфографии. В реконструируемых формах фонема [k] передается знаком [k].

5.2.0. Морфология.

5.2.1. Морфологический тип языка.

Грамматические отношения в этрусском выражаются суффиксами, послелогами и порядком слов, в ограниченной степени – внутренней флексией (аблаутом). Наличие в этрусском префиксов не доказано.

У лингвистов пока что недостаточно данных для того, чтобы оценить степень флективности этрусского языка, т.е. его способности выражать посредством одного и того же форманта несколько категорий сразу. С другой стороны, иногда встречающиеся в литературе утверждения об «агглютинативности» этого языка, особенно его склонения (в частности, трактовка датива на *-i* от генетива на *-s*) основаны на сомнительном толковании некоторых этрусских контекстов (5.3.1). Одно очевидно: этрусскому в высшей степени свойственна морфологическая фузия, то есть зависимость конкретного способа выражения той или иной морфологической категории – в том числе, фонологической реализации грамматических показателей – от основы слова.

Эта фузионность этрусского проявляется:

- 1) случаями внутренней флексии некоторых имен и глаголов (см. 5.1.3).
- 2) Распределением этрусских имен между двумя склонениями, образующими серию косвенных падежей с помощью «общекошвенных» консонантных формантов *-s* или *-l*. Это распределение лишь в ограниченной степени регулируется семантическими и морфонологическими критериями, зачастую выглядя произвольным.
- 3) Описанным в 5.1.3. сокращением ряда основ на гласные в номинативе, приводящим к переразложению в косвенных падежах основы в пользу окончания и появлению, например, у генетива на *-s* алломорфов *-s*, *-is*, *-es*, *-us*, *-as*, закрепленных за разными лексемами (как указывалось выше, картина еще более осложняется тем, что многие основы на гласные не претерпевают в номинативе видимого сокращения, и, таким образом, соотношение между основой номинатива и основой косвенных падежей для каждой лексемы I склонения оказывается характеристикой индивидуальной). Сходным образом во II склонении оказывается немотивирован выбор между показателями генетива *-l* и *-al* (ср. *śuθi* : «погребение», ген. *śuθil*, но *Larθi*, женское имя : ген. *Larθial*, от *puia* «жена» генетив выглядит не **puial*, но исключительно *puil*, предполагая основу на *-i* – *pui*-).

4) В области глагольной морфологии – разнящимся соотношением у различных глаголов между медиопассивными предикатами на –и и активными претеритами на –се, когда у одних глаголов первые формы образуются от вторых (alice «принес»: aliqu «принесен», zinake «изготовил»: zinaku «изготовлен»), а у других – наоборот (luru «умер, -ший» : luruse «умер», mulu «подарен» : mulvanice «подарил»).

Итак, если использовать термин «агглютинация» в противоположность не «флексии», а «фузии» - что также встречается в лингвистической литературе, - то отнести этрусский к агглютинативным языкам в этом смысле никак не возможно.

5.2.2. Категории, выражаемые морфологически.

Категория женского рода морфологически выражена лишь в подсистеме фамильных имен и прозвищ, а также в личных женских именах Larθi и Leθi¹⁴. Она реализуется посредством т.н. моции – присоединением к мужской форме имени показателя -i: так соотносятся личные имена Larθ: Larθi, Leθe:Leθi, фамильные имена Carzna:Carznai> Carznei; Pumpu:Pumpui; Nulaθe:Nulaθi¹⁵ и т.д. Женские формы с показателем моции изменялись по II склонению (с окончанием генетива –(a)l) в отличие от таких старинных этрусских женских имен, как Ramuθa, Ravnuθu, Θanaχvil, относящихся к первому склонению (генетивы Ramuθas, Ravnuθus, Θanaχvilus). Изначально формант -i проходил через склонение, сохраняясь во всех позициях (ср. генетивы Larnθal, Vetial, архаич. Hirminaia, новоэтр. Pumpuial). Но уже с архаической эпохи проявляется, а в новоэтрусскую - берет верх тенденция к утрате -i между гласными при склонении основ на –a,-na, -u. Следствием этого оказывается то, что для подобных ономастических основ оппозиция I и II склонений становится единственным средством различить в косвенных падежах мужские и женские формы: ср. муж.род ном. Vetu, ген.Vetus, жен.род ном. Vetui: ген. Vetual; муж.род.ном. Afuna, ген. Afunas: жен.род ном. Afunei, ген. Afunal. Это наглядный случай флексии в этрусском, когда, по сути, две категории – падежа и рода – совмещаются в одном этрусском показателе –s/-al. Здесь можно было бы вспомнить также исключительно редкое окончание датива –la при обычном -le, засвидетельствованное в архаической Этрурии при женских именах и трактуемое некоторыми исследователями как «женский датив»; Cr 3.20 mi aranθ ramuθaši veštiricinala muluvanice «я, Арант, подарил

¹⁴ Исключительно редко в новоэтрусских надписях возникает женское имя Arnθi, сотворенный (видимо, по аналогии с Larθi) при помощи моции женский вариант к Arnθ: ср. Та 1.167 metli arnθi puia amce spitus Larθal «Арнти Метли была женою Ларта Спиту» (начало III в. до н.э.). Укажем также форму женского имени Titī от италийского заимствования Tite – свидетельство вторичной продуктивности этрусской моции.

¹⁵ Обычно исход основ на –e выпадает перед формантом моции –i (Velxe:Velxi, Vipe:Vipi и т.д.). Но на севере, в Клузии и Арреции встречаем такие пары мужских и женских родовых имен как Tute:Tutei, Arntle:Arntlei.

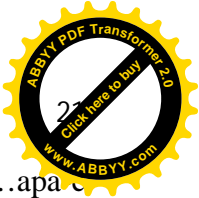
Рамуте Вестирикинаи» (обсуждение грамматической конструкции этой надписи см. далее в этом разделе); Ve 3F5 mini muluvanice mamarce apuniie venala «меня подарил Мамарк Апуние (богине) Вене».

Примечательно, во-первых, что некоторые ономастические основы могут при образовании «женских» вариантов по «мужскому» варианту присоединять формант –*nei* как целостный показатель рода: например, муж. род *Anei*: жен. род. *Aneinei*, ген. *Aneinal* в Перузии. А во-вторых, что основы на –*i*, при которых в номинативе не выделим показатель моции, могут в «женских» вариантах образовывать формы косвенных падежей от параллельных основ на другой гласный, где в номинативе проявляется этот показатель. Так, номен в Клузии *Veti*, в номинативе не различающий рода, образует в мужском роде генетив *Vetiś*, а в женском – *Vetial* от основы *Vete*¹⁶.

В новоэтрусскую эпоху под италийским влиянием ономастикон этрусков наводняют женские имена на –*a*, –*ia*. В частности, с помощью этих заимствованных исходов от мужских имен *Aranθ*, *Vel*, *Śeθre*, *Larθ* образуются новые женские имена *Aranθia*, *Velia*, *Śeθra* или *Śeθria*, также *Larθia* (при старом варианте *Larθi*), выстраиваются «италоидные» пары из мужского и женского когноменов вроде *Uvilane*:*Uvilana* (< итал. *Ovillanus* : *Ovillana*) в Перузии, а север Этрурии вырабатывает новую модель женских имен на –*unia* при мужских на –*u*: *Cicu*, *Cicunia*; *Vescu*: *Vescunia*, *Velśu*:*Velśunia* и т.д. Все эти новые образования относятся однотипно к 1 склонению и благодаря им категория рода становится в этрусском категорией все более словообразовательной, а не морфологической.

В выражении этрусским языком категории числа много неясного. В ряде случаев множественность наглядно выражается формантом –*r(a)*: *ais* (*eis*) «бог», *aiser* (*eiser*) «боги», ген. *aiseras* (*eiseras*); *clan* «сын»: *clenar*, *cleniar* «сыновья», арх.ген. *cliniiaras*; сюда же *husur*, *huśiur* (сев.) «дети» или «юноши». Особый случай ара «отец»: множ.число ген. , *afrs* (*naces*) «отцов, священных предков» с чередованием согласного основы. (AV 4.1). Предполагается, что показателями множественности или собирательности могут также выступать 1) –*χva* (*flerχva* от *fler* «изображение божества(?)»), изначально, по-видимому, суффикс прилагательных (см. 5.2.3.) 2) –*sva* (...*ica*-с *heramaśva* - возможный перевод «...и эти статуи...» при *heramve* «статуе» в надписи Тефария Велианы из Пирги Cr 4.4; *saniśva*

¹⁶ Получается, что номен женщины *Veti*, взятый как основа на –*i*, мог бы в генетиве дать только *Vetiś* (в северном написании), а вот точно такая форма, но воспринятая как «женский» вариант к *Vete*, уже порождает генетив *Vetial*. Как видим, выбор склонения определяется здесь не звуковым обликом основы, но представлением о той парадигме, к которой она принадлежит, - парадигме, которая бы состояла из «мужского» и «женского» вариантов. Здесь мы, несомненно, имеем дело с моментом морфологического анализа, присущего языковому чутью этрусков.

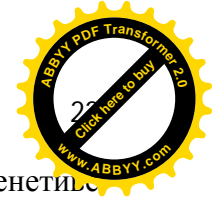

определение, сопровождающее слова ara-c ati-c «и отец и мать», в надписи Cr 5.2 ...ара с ati-c sanisva θni cesu...«и отец, и мать...sanisva тут положены...»); 3) -l, см. Та 1.182...murśl XX «20 урн» при сингуляризе murs «урна»(сев.) в AS 1.311 mi murs arnθal veteś nufreś «я - урна Арнта Вете Нуфре ...». В связи с последним показателем большой интерес представляет элемент -l, присутствующий в склонении тех названий этрусских городов, которые в латыни отражаются (может быть, калькируются?) как pluralia tantum: Tarχnalθi «в Тарквиниях, in Tarquiniis»; Velsinalθi, Velsnalθi «в Вольсиниях, in Volsiniis»; Velclθi «в Вульчи, in Volcis»¹⁷.

Примером этрусского имени, не различающего форм единственного и множественного числа полагают слово avil «годы», ген. avils (= лемн. avís «лет»), сочетающееся в десятках этрусских надписей с разными числительными. Это правдоподобно, поскольку данное слово, похоже, относится к группе имен, оформленных суффиксом -il (см. 5.3.3). Но следует оговорить, что пока что, вроде бы, не засвидетельствовано примера, когда бы avil определенно обозначало «год» в единственном числе. В некоторых случаях сегодняшнее состояние знаний не позволяет определить представлены или нет в некоторых этрусских словоформах со значением множественности формальные показатели этой категории. В частности, это относится к словам cleva, tartiria, turza из надписи на Капуанской черепице: TC 3 ... ci tartiria (4) ci-m cleva acasri...(15)...acas aφ(16)es ci tartiria ci turza... «...(3)... три *тартуриа* и (4) три же *клева* надлежит сделать...(16)...сделай... три *тартуриа*, три *турца*...».

А.-Й. Пфиффиг предполагал для этрусского особую, выражаемую суффиксом -s категорию «определенных, выделенных существ», усматривая ее в назывной форме на -s множества этрусских фамильных имен, которая в таких случаях совпадает с формой генетива. Из тысяч примеров можно сослаться хотя бы на эпитафии членов фамилии Велха в Тарквиниях, где свободно чередуются написания Arnθ Velχa и Arnθ Velχas (CIE 5391, 5394), Larθ Velχa и Larθ Velχas (CIE 5379, 5386, 5388-89), Velθur Velχa и Velθur Velχas (CIE 5393, 5395, 5401). На самом деле, правильное объяснение этой модели, скорее всего, состоит в том, что происхождение этрусских мужчин из некоего рода могло

¹⁷ Еще один возможный формант множественности -ia- видим, сравнивая частое этрусское наименование для «бабки» ati nasna, ati nasnva, образованное от ati «мать» по типу grandmother, с эпитетом двух человек в надписи Та 5.2 larθiale hulxniesi marcesi-e caliaθesi munsle nasnvaiaisi θamce «Ларту Хулхние и Марку Калиате (или «при Ларте Хулхние и Марке Калиате») ...nasnvaiaisi поставил(?)...». Как ни толковать здесь имена в дативе и согласованную с ними форму определения nasnvaiaisi – видеть ли в них датив адресата, именование предков, коим посвящалась постройка, или неких «главенствующих», магистратов при которых она была заложена – все равно аффикс -ia- в nasnvaiaisi (на фоне Та 1.50 ramθa huznai θui ati nasnva larθial apaiatrus «Рамта Хуцкнай здесь, бабка Ларта Апаятру...»), несомненно, соотносится с множественностью определяемых.

выражаться постановкой при их личном имени фамильного имени их отца в генетиве («Арнт Велха = Арнт (сын) Велхи»)¹⁸.

Что касается категории падежа, то в парадигме этрусского склонения выделяются шесть падежей: номинатив, аккузатив, генетив, датив, аблатив и локатив. Используя эти названия, следует учесть что название «дativa» довольно условно – обозначаемый так падеж вовсе не является в этрусском единственным падежом – выразителем косвенного объекта (адресата).

Номинатив не имеет специального оформления (передается нулевым окончанием).

Аккузатив получает особое морфологическое выражение только в парадигмах местоимений, а также членных форм имен.

Генетив, датив и аблатив образуют группу косвенных падежей, оформлением которых различаются два этрусских склонения. Склонение I характеризуется генетивом на $-(V)s$, с разными алломорфами этого показателя (*clens* «сына», *cliniaras* «сыновей», *Aules* «Авла», *Velus* «Вела», *seχis* «дочери», *meθlumes* «страны») и дативом на $-(V)si$ (*clensi* «сыну», *clenarasi* «сыновьям», *Aulesi* «Авлу», *Velusi* «Велу». *Venelisi* «Венелу»). Склонение II – генетивом на $-al$, $-l(Arnθal$, вар. *Arnθial*, *Arnθeal* «Арнта», *Larθal*, вар. *Larθial*, *Larθeal* «Ларта», *Larisal* «Ларса», *spural* «города», *rasnal* «этрусского народа» или «государства», *puil* «жены») и дативом на $-ale$ (*Larθiale* «Ларту», *Arnu(i)ale* «Арнту», *Larisale* «Ларсу»).

Особенностью архаического этрусского языка VII-VI вв. до н.э., наряду со случаями «женского» дativa на $-la$, является то, что в эту эпоху окончание генетива II склонения $-al$ реализуется как $-a$. От мужских личных имен, изменяющихся по этому склонению, образуются генетивы *Ar(a)nθ(i)a*, *Larθ(i)a*, *Larisa* (при упомянутых дативах *Ar(a)nθ(i)ale*, *Larθ(i)ale*, *Larisale*), а от женских фамильных имен с показателем моции – генетивы вида *Hirminaia*, *Nuzinaia*, *Sucisnaia* (*Vs 1.9 mi aranθia vicenas* «(я) – Аранта Викены», *Cr 2.64 mi larθia ušiles* «я – Ларта Усиле»; *Vs 1.51 mi larisa larecnas* «я – Ларса Ларекены»; *Cr 2.1 mi spranti nuzinaia* «я – сосуд Нуцинаи (женщины из рода Нуцина)». Конечное $-l$ в генетиве подобных имен начинает обозначаться примерно с рубежа VI-V вв. до н.э.

Третий падеж этой группы, аблатив, был открыт этрускологами только в 1970-х гг. На уровне этрусских памятников I тыс. до н.э. показатели этого падежа в разных склонениях

¹⁸ Кстати, такая практика разительно напоминает ономастический узус верхушки московской Руси, где, по характеристике Б.А.Успенского «если, положим, Иван Петрович является сыном Петра Федоровича, то он называется Иван Петрович Федоров» или «Иван Петрович Федорова» (возможно также наименование «Иван Петров Федоровича» (См.: Успенский Б.А. Социальная жизнь русских фамилий // Успенский Б.А. Избранные труды. Т.2.М., 1994, с. 177, там же приводится обращение московских бояр к литовскому гетману Хоткевичу – Григорий Александрович Хоткевича»).

выглядит своеобразными трансформами генетива соответствующих склонений. Имеем в I склонении: ном. Tute (родовое имя), ген. Tutes, абл. Tuteis, ном. Vel, ген. Velus, абл. Veluis; ном. Θαν(α)χvil (женское личное имя), ген. Θαν(α)χvilus, абл. Θανχviluis; ном. Ραμθα (женское личное имя), ген. Ραμθας, абл. Ραμθες. Во II склонении ном. Αρνθ, ген. Αρνθ(ε/ι)αλ, абл. Αρνθεαλς; ном. Visnai (женское родовое имя), ген. *Visnal, абл. Visnals; ном. *Χαιρι (женское родовое имя), ген. *Χαιreal, абл. Χαιrealς (формы аблатива взяты из серии надписей Vc 1.64; 1.92; 1.93), ном. Уни «богиня Уни, Юнона», ген. Unial, субстантивированно – «храм Уни», абл. Unialas-tres «для храма Уни» (форма аблатива с послелогом, отраженная в надписи Тефария Велианы Cг 4.4).

Среди этрускологов бытуют две гипотезы происхождения аблатива I склонения – гипотеза особого падежа на –is (М.Паллоттино) и гипотеза некоего (послеложного?) –s-наращения к дативу на –si (возможный вариант -is-наращение к генетиву на –s) с последующим выпадением [i] между двумя [s₁] и умлаутом гласных, предшествующих возникающему палатализованному спиранту (Л.Агостиньяни).

Строгих правил распределения имен между склонениями, как уже говорилось, нет. Правда, заметно, что во II склонение включаются женские имена с показателем моции, а также адъективы и собирательные формы на –χva/-cva (cilθcval, avilχval), некоторые основы с исходом на зубные смычные и на сибилант (те же личные имена «Αρ(α)нт», «Λарт», «Λарс», редкие когномены с исходом на -s, вроде Lecetis, ген. Lecetisal). однако объяснить, почему в это склонение попадают, скажем, те же spura-, gasna- и zilc совершенно невозможно. К тому же некоторые имена колеблются между склонениями. От śuθi «гробница» возможен генетив suθiś (сев.) или śuθil. А слова spura- «город» и cilθ, загадочная форма из «Книги Мумии», не то апеллатив со значением «община», не то собственное имя общины ради которой вершится описываемый ритуал (ниже я сугубо условно перевожу «община Килт»), образуют генетив по II склонению (spural, cilθl), но аблатив на –s по I-му: см. Fs 8.2-8.3 tular spural «границы города» и LL V, 6,13; IX, 5, 12-21 с формулой ...śacnicleri cilθl śpureri meθlumeri-c enaś... «...святилищу этому общины Килт городу и стране его/ее», (возможны понимания и «стране общины» и «стране города»), а с другой стороны не менее устойчивую формулу в той же «Книге Мумии», V,3; VIII,14; IX,2,9 ...śacnicśtreś cilθś śpureśtreś enas «для этого святилища, для Килт, для города ее», где cilθś и śpureśtreś представляют аблативы I склонения (во втором случае аблатив сочетается с послелогом tres как в Unialas-tres)¹⁹.

¹⁹ С установлением аналогии между Unialas-tres и śpureś-tres был положен конец прежним попыткам читать первое выражение как Unial Astres «Юноны-Астарты» - попыткам, которые создавали немалые проблемы отсутствием конечного -t в предполагаемой этрусской передаче финикийского теонима *štrt.

Подобные факты могут указывать на то, что первоначально этрусский аблатив стоял в стороне от группы генетива-дativa и был к ней притянут вторично.

Наконец, совершенно изолированно обретается форма *clen*, известная из оборотов *clen seḡa* «ради сына» (Со 3.6; ОА 3.9; ОВ 3.2) и *clen θunχulθε* «по праву сына» (Ре 8.4). Вопреки Риксу, нельзя считать установленным, что это – особый аблатив от *clan* «сын», так как с иными вариантами аблатива она не имеет ничего общего.

Вне оппозиции двух склонений находятся разновидности этрусского локатива. Древний показатель этого падежа –*i* представлен в словоформе *zilci* от названия должности *zilc* (см. Та 5.5. *zilci velusi hulχniesi larθ velχas vel(θur)us eprθnal-c clan sacniša θui šuθiθ acazr* «В *цилк* (магистратуру) Веле Хулхние, Ларт Велха, сын Велтура и женщины из рода Эпртна, освятил здесь, в этом погребении, изделия (сооружения)»). Присоединяясь к основам на –*a*, этот формант сливался с ними в дифтонг –*ai*, который затем стягивался в –*e*: *mutna* «саркофаг»: *mutne* «в саркофаге», *Capue* «в Капуе». В свою очередь, это –*e* начинает восприниматься как целостный показатель, способный оформлять некоторые основы на согласный, например, *θesane* «на заре» при *θesan* «заря», *θesns* «зари».

Этот старый локатив мог усиливаться частицами –*θi*, –*ti*, –*te*, откуда происходят формы вроде *spureθi* «в городе» < **spurai-θi* или *hupnineθi* «в усыпальнице» < **hupninai-θi*, которые Рикс сравнивает с лемн. *šeronai-θ* при параллельном *šeronai*. Наконец, синкопа –*i* в формах вроде *zilcti*, –*te* < **zilci-ti/-te* (см. Та 1.106 ...*zilcte lupu* «...в *цилке* умер, –ший»; Vc 1.94...*zilcti purtsvavcti lupu*... «...умер, –ший в должности *цилк пуртсвак*...») дает основание осмыслять эти частицы как самостоятельные падежные показатели, способные присоединяться к основе номинатива. Отсюда такие образования, как *mutniaθi* «в саркофаге», *celati* «в погребальной камере», где эти элементы непосредственно включаются в склонение²⁰.

Специального рассмотрения заслуживает подсистема этрусских местоимений. Личное местоимение 1-го лица единственного числа (номинатив *mi*, аккузатив *mini*, вар. *mine*, *mene*) предстает в десятках архаических «говорящих надписей» VII-Vвв. до н.э. Эти надписи составлены от имени соответствующих артефактов (гробниц, сосудов и т.д.) и принадлежат к двум основным типам: «я – (принадлежность) такого-то» (например, Cm 2.8 *mi numisiies vhelmus* «я – [сосуд] Нумисия Фельму») и «меня подарил (сделал, принес, написал) такой-то». ср. Cr 3.1. *mini ušile muluvanice* «меня Усиле подарил»). В литературе высказывалось мнение, что у аккузатива *mini* имеется немаркированный

²⁰ История этрусского локатива дана почти дословно по образцовому ее изложению ее у Рикса (1984г.).

вариант *mī*, тождественный номинативу. Эта гипотеза, на наш взгляд, крайне сомнительная, тесно связана с проблематикой различения или не различения лиц этрусским глаголом и будет затронута в этом разделе ниже, а также в 5.3.1.

О местоимениях 2-го лица в этрусском ничего не известно, и попытки их выявить в текстах сугубо гадательны.

Относительное местоимение *an* (варианты *anc*, *ana*)²¹ вводит определительные придаточные предложения. Например, Cr 5.3 *vel matulnas larisališa an cn šuθi ceriχunce* «Вел Матулна, Ларсов (сын), который поставил это погребение»; Та 7.59 (...*sp*)*urinas an zilaθ amce* «...(Сп)урина, который был цилатом»; Fs 6.1 *ana mini zinake remiru* «который (кто) меня изготовил – Ремиру». Возможно, генетив местоимения 3-го лица представляет словоформа *enas* из «Книги Мумии», если правилен перевод конструкций *šacnicleri cilθi špureri meθlumeri-c enas* как «святилищу этому общины Килт, городу и стране его/ее» и, соответственно, *sacnicštreš cilθš špureštreš enas* в смысле «для святилища, для общины Килт, для города ее» (см. выше). Соотношение между основами *an* и *enas* проблематично.²²

В начале 1980-х М.Лежен обратил внимание на слово *sa* в двух надписях из погребения рода Анина в Тарквиниях: Та 1.159...*sa šuθi ceriχunce*... и Та 1.153 *aninas larθ velus...an vaci lavutn (...) travzi sa-m šuθi ceriχun(ce)*...²³ В обоих случаях *sa* выступает в той же позиции, что и *an* (ср. приведенную в предыдущем абзаце формулу *an šuθi ceriχunce* «он (или который) погребение поставил»), а в Та 1.153 *an* и *sa* чередуются, вводя глагольные синтагмы с одним и тем же субъектом: получаем что-то вроде «Ларт Анина, Вела (сын)..., который приношение семейное справлял..., он же (*sa-m*) гробницу поставил». Благодаря открытию Лежена к списку этрусских местоимений может быть прибавлен тарквинийский локализм *sa*, который, скорее всего, не следует смешивать с другим местоимением *-ša*, не употребляемым в историческую эпоху самостоятельно и выделяемым только в членной форме этрусских личных и фамильных имен.

²¹ Неизвестно значение *ananc* в очень темном контексте «Книги Мумии», X, 11, может быть, «кто бы ни», «всякий» (лат. *quisquis*).

²² На самом деле, во всех приведенных и во многих других случаях можно было бы попытаться понять *an*, *ana* в смысле личного местоимения: «Вел Матулна. Он поставил это погребение», «...Спурина. Он был цилатом», «Он меня изготовил – Ремиру». Однако сравнение употребления формы *ana* в выражениях *ana mini zinake* и *młaxta ana zinase* (о котором см. ниже, прим.26) заставляет трактовать данное местоимение как относительное.

²³ Это *sa* явно не имело никакого отношения к созвучному числительному «б», которое в тарквинийской области записывается с другим спирантом *ša* (AT 0.14,0.15).

Этрусские указательные местоимения *ta* и *sa*, с их расширенными вариантами *ita, ica, eca, eta*, *novoztr.eta*, *esa* могут выступать как самостоятельно (Cr 2.101-102 *apas ta* «отца это»; AV 5.6 *sa θesan* «это – Заря (богиня Зари)»; Та 3.2 *itun turuce venel atelinas* «это посвятил Венел Ателина»; АН 1.47 *ecθi ramθa cainei* «в этом (т.е. в гробнице) Рамта Кайней»), так и определениями при именах. В последнем варианте они либо предшествуют именам (Cr 4.4 *ita tmia ica-c heramaśva vatieχe unialastres* «этот храмовый участок и те статуи (?) предназначены для храма Уни...»); Та 1.17 *...an cn zix neθśrac acasce...* «...который эту книгу гадательную создал...», Та 1.200 *ecθi suθ[iθ] larθ alθu [...]* «в этом погребении Ларт Алту [...])», либо помещаются к ним в постпозицию и тогда часто, хотя и не всегда, могут сливаться с именами, образуя различные классы их членных форм.

Стоит указать на то, что в надписи Тефария Велианы Cr 4.4 местоимение *ica*, определяющее существительное *heramaśva* с предположительно множественным значением «статуи» (см.5.2.3), внешне не отличается от обычной формы того же местоимения в единственном числе.

Некоторые словоформы в этрусском, формально похожие на местоимения и, может быть, впрямь являющиеся таковыми, не поддаются достоверному истолкованию (скажем, *cnl, clal*).

Таблица 3. Склонение указательных местоимений единственного числа

	Простая форма	Расширенная форма	Суффиксированная форма
Номинатив	<i>ta, sa</i>	<i>ita, ica, eca, eta</i>	<i>-ta, -ca, -ita</i>
Аккузатив	<i>tn, cn</i>	<i>itan, itun, ican, etn, ecn</i>	<i>-tn, -cn</i>
Генетив	<i>cla</i>		<i>-cla, -tla, -itala²⁴</i>
Датив или			
Локатив I			<i>-cle, -tle, -itale</i>
Локатив II	<i>clθi</i>	<i>ecθi</i>	<i>-cleθ, -clat</i>
Аблатив	<i>teiś (сев.), cś (Ll)</i>		<i>-cś-</i>

²⁴ Пересмотрев чтения множества мест из надписи на Капуанской черепице, Рикс передвинул в ряде случаев границы предполагавшихся ранее словоразделов и постулировал серию членных форм с исходами *-itula, -itule*, отсутствовавших в прежних публикациях памятника. Таковы: *isveitule, apertule, husilitule, celutule, mavilutule, macvilutule, riθnaita, riθnaitula*. Почти во всех этих случаях ранее предполагались особые словоформы *tule* и *tula*. Нельзя сказать, чтобы новое чтение на сегодня были общепризнанны в этрусскологическом сообществе, потому мы их здесь оставляем под вопросом.

Выступая определением имени, этрусское местоимение получает форму того же падежа, в котором стоит определяемое имя: XI, 11...*cla θesns...* «...этой зари»; Та 1.81... *clθi mutniaθi...* «...в этом саркофаге...»; Pe 8.4... *esa velθinaθuraś θaura tesne raśne helu cei tesnś teiś rasneś* «...эта гробница рода Велтина по закону этрусскому (или «закону государственному») ... (?) и вот согласно закону тому этрусскому (или «государственному»)» В последнем примере мы видим по тексту склонение формулы со значением «этрусский/государственный закон»²⁵ : лок. *tesne raśne*, абл. *tesnś... raśneś* (сев.), причем во втором случае словосочетание сопровождается указательным местоимением в том же падеже (*teiś*), отсылающим к первому употреблению формулы (это нечастый случай определяющего местоимения, стоящего в постпозиции к имени, но не сливающегося с ним в членную словоформу).

По-особому строится конструкция с именем и определяющим его местоимением, когда они стоят в аккумулятиве. При этом одно лишь местоимение получает окончание данного падежа, имя же остается неоформленным: см. уже приводившееся в этом разделе обороты *sn śuθi serixunse* «это погребение поставил» и *sn zix neθśrac acasce* «эту гадательную книгу создал», также Cr 0.4 ...*an ikan zix akarai* «... который эту надпись сотворил». Таким образом, в этрусском языке категория прямого объекта в своем формальном выражении оказывается тесно связана с категорией определенности имени.

Усиленный вариант от местоимения *sa – sehen, sen*, с наращением частички *hen* «вот» - засвидетельствован только в номинативе: Pe 5.2 *sehen suθi...θaure lautnescle caresri aules larθial presuθuraśi* «это- вот погребение... в гробнице семейной надлежало (-ит) поставить Авлу (и) Ларту Преку...»; Pe 3.3 *auleśi meteliś ve vesial clenśi cen flereś tece sanśl tenine* «Авлом Метели, сыном Вела и (женщины из рода) Весе это–вот изображение (бога)...Сансу исполнено...»; в Большой Кортонской надписи, A 18 *sen zix zixuxe* «эта-вот надпись была написана...».

Как уже говорилось, находясь в постпозиции к именам, указательные местоимения способны сливаться с ними, образуя несколько групп членных форм.

²⁵ Похоже, в этрусском надо различать две формы – существительное *gasna-* «этрусское сообщество», «государство», ген. *gasnal* и производный от него адъектив *gasnea*, ген. *gasneas (rasnas)*. Это тот случай, где допустимо предполагать оппозицию основ с непалатализованным и палатализованным сонорным: [*gasna*] vs. [*gasn'a*]. Взаимозаменяемость форм *gasnal* и *gasneas* в сочетании со словом *mexl*, генетивом от *mex* «достояние, res (???)», ср. Vs 1.179...*mexl-um rasneas clevsinsl zilaxnve* «...над государством (=rei publicae) клузинским (?) *цилк* отправлял» и Та 7.59 ... *zilaθ amce mexl gasnal* «...цилатом был над государством» объясняется тем, что *gasnal* выступает при *mexl* несогласованным определением, как в кортонской формуле *tular gaśnal* «границы Этрурии», а *gasneas* – согласованным.

Группа 1. Местоимения *-(i)ta*, *-(i)sa* энклитически «прилипают» к основе прямого падежа (номинатива и аккузатива) существительного, превращаясь при последнем в род артикля. При словоизменении таких форм может изменяться только этот «артикуль». Здесь очень показательно имя *śacni* «святыня, святилище», членная форма которого засвидетельствована во всех падежах, кроме номинатива и локатива.

Акк. *śacni-cn*, *śacni-tn* (LL VII,6; XII,11)

Ген. *śacni-cla* (LL V,22; VI,8)

Дат. или лок. I *śacni-tle* (AS 4.6)

Абл. *śacni-cś-(treś)* (LL V,3; VIII,14; IX,2,9).

Таковы же по своей структуре могут быть формы *seleitāla*, *tesiamēitale* в надписи Тефария Велианы из Пирги, Ср 4.4 значение которых неясно: похоже, они означают, соответственно, «дара-этого» и «распоряжению-этому». Интересную особенность демонстрирует аблатив членной формы *θαρνεś-tś* «из чаши-этой» (от *θafna*, *θарпа* «чаша») в «Книге Мумии», X,3, где падежное окончание получают и имя, и примыкающий к нему «артикуль».

Группа 2. Местоимение *-ta* в расширенном варианте *-i-ta* присоединяясь к эпитетам, следующим за именами божеств, создает членные формы таких эпитетов. При этом конечное *-a* основы сливается с начальным *-i* местоимения в дифтонг *-ai*, новоэтр. *-e*. Примеры: *Selvansel Smucinθiunaitula* (OА 4.1), *Selvanzl Enizpetla* (Vs 4.9), *Lasa Racuneta* (Vc 5.24), *Mariśl Menitla* (Av 4.1). Слившись с прилагательным, «артикуль» как бы образует из него второе собственное имя бога. Такова же структура нескольких «темных» слов – *θucunetale*, *epninaitle* (Ta 0.1, Fa 0.2), имеющих адъективный суффикс *-na*, однако функционирующих без предыдущего определяемого, т.е., по-видимому, субстантивированных.

Подгруппа 2а. Возможно, сходный случай – слияние прилагательного с артиклеподобным местоимением как способ субстантивации – представляют членные формы *młaxta*, *młaxuta* прилагательного *młax* «добрый, благой» в надписи Fa 6.1, где наиболее понятный сегмент гласит: *...młaxuta ziχuχe*, *młaxta ana zinace* – букв. «...благое(=на благо) надписано, благ, кто изготовил».²⁶

²⁶ Этот контекст имеет решающее значение для выбора между пониманиями в качестве местоимения относительного или личного. Дело в том, что в данной надписи *ana* Может быть осмыслено как местоимение личное (3-го лица) только если видеть в нем форму аккузатива от *an* – «благой его (сосуд) изготовил». Но приводившаяся выше надпись Fs 6.1 *ana mini zinace gemiγu* «кто меня изготовил, - Ремиру» наглядно обнаруживает, что *ana* – вовсе не аккузатив от *an*, а просто дублет последнего. Но как форма номинатива, *ana* в Fs 6.1 видится только местоимением относительным: «...благ, кто изготовил». А значит, такое понимание может быть распространено и на *an* во всех вводимых им определительных придаточных предложениях.

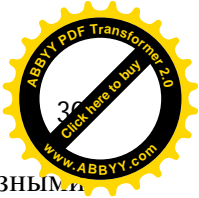

Группа 3. Местоимение в постпозиции примыкает к имени в генетиве, определяющему другое имя. Так это генетивное определение получает членную форму, которая согласуется в падеже с определяемым именем, склоняясь по местоименному типу, Примеры: Pe 5.2 *sehen suθi... θaure lautneścle caresri* «это-вот погребение внизу... в гробнице семейной надлежало (поставить...)» – здесь форма *lautneścle*, согласованная в падеже с локативом *θaure* от *θaura* «гробница», сама так же представляет локатив слова **lautnesca*, а это слово образовано присоединением местоимения –са к генетиву *lautnes* от *lautn(e)* «семья»; получается букв. «в гробнице в той-что-семьи»; Та 1.107 *felsna la leθes svalce avil CVI murce capue tlexe hanipaluscle* «Ларт Фелсна, сын Лете, прожил 106 лет, находился (???) в Капуе в войну(?) Ганнибалову», букв. «...в войну, в-ту-что-Ганнибала»²⁷.

Подгруппа 3а. Эта подгруппа достойна особого внимания, поскольку являет собою модель, популярнейшую в этрусской эпиграфике, но как ни странно, правильно интерпретированную довольно поздно – только в 1960-х гг. (впервые, вроде бы Пфиффигом). До тех пор в этрускологии господствовала гипотеза т.н. «морфологической редетерминации». Согласно этой гипотезе, патронимы вроде *Arnθ(i)aliśa* «Арнтов (сын)», *Larθ(i)aliśa* «Лартов (сын)», *Larisaliśa* «Ларсов (сын)», *Veluśa* «Велов (сын)», *Auleśa* «Авлов (сын)», встречающиеся в надписях десятки раз, свободно чередуясь с генетивами *Arnθ(i/e)al* «Арнта», *Larθ(i)al* «Ларта», *Larisal* «Ларса», *Velus* «Вела», *Aules* «Авла», представляют варианты к последним – генетивы «усиленные» добавочным гласным (в случаях с *Veluśa*, *Auleśa*), или «удвоенные» присоединением второго окончания (это в случаях с *Arnθ(i)aliśa*, *Larθ(i)aliśa*, *Larisaliśa*). Производные же от этих последних форм, более редкие *Arnθaliśla*, *Larθaliśla*, *Larisaliśla*, *Veluśla*, (см. Та 1.30 *tites velus arnθaliśla* «Вела Тите Арптова (сына)»; Та 1.185 *gamθa apatrui...camnas arnθal larθaliśla* «Памта Апатруи...жена Арпта Камны, Лартова (сына)...»; Та 1.57 *larθi velθurus sex veluśla* «Ларти, дочь Велтура, (сына) Велова» и т.д.) предлагалось понимать, как «вторичные генетивы от уже усиленных или удвоенных генетивов». Так могли получаться уже как бы «тройные генетивы».

Пфиффиг развеял это морфологическое наваждение, весьма содействовавшее мифу о типологической экзотичности языка «загадочных этрусков». Он показал, что 1) спiranты в окончаниях простого генетива и предполагаемого «генетива усиленного

²⁷ Некоторые случаи членных форм в этрусских текстах до сих пор остаются неразъясненными, хотя не исключено что они в конечном счете могут быть подведены под уже известные типы. Такова, например, конструкция в надписи Тефария Велианы Cr 4.4 ...*munistas θunas tameresca*...

или удвоенного» нормально записываются и на севере, и на юге Этрурии разными буквами (на юге имеем стандартное соотношение Velus: Veluśa, на севере, наоборот Veluś: Velusa), потому естественно усматривать в этих случаях различные фонемы [s₁] и [s₂]; 2) форма Veluśa должна соотноситься с Velus так же, как Larθaliśa с Larθ(i)al, то есть в обоих случаях налицо присоединение некоего элемента –śa к основе «нормального» генетива I–го или II–го склонения: Veluśa<*Velus-śa, Larθaliśa<*Larθal(i)-śa 3) образования на –śa изменяются по тому же типу, что и местоимения (i)sa и (i)ta, а потому следует видеть в –śa старый местоименный элемент. Приклеиваясь к генетиву отцовских имен, определяющему имена детей, данный элемент образует членную форму, согласовывающуюся в падеже с определяемым (см. примеры в предыдущем абзаце).

Помимо патронимов членные формы на -śa фигурируют в качестве женских гамонимов (имен супругов), типа Larθi Anelia Veteśa «Ларти Анелия (жена) человека из рода Вете», Larθi Scunei Visceśa «Ларти Скуinei (жена) человека из рода Виске», а также в мужских когноменах вроде Paraśa, Fuluśa, сохраняющих способность к местоименному склонению (ген. Paraśla, Fuluśla). Наконец, при женских именах таким образом могут оформляться и метронимы – имена матерей. Примером может служить очень интересная надпись C1 1.951 titi vescuia seiantialisa acilunias paraslisa «Тити Вескуниа, дочь женщины из рода Сеянте, а в браке – Папасова». Здесь членная форма гамонима Paraśliśa (в северной записи) вводится при помощи термина acilunias морфологически неясного, но несомненно одноосновного с acil «изделие», acastī «надлежит сделать», обозначая как бы вторичную фамилию женщины, фамилию-артефакт, обретаемую в браке, в отличие от исконного родового именованья по отцу и от метронима

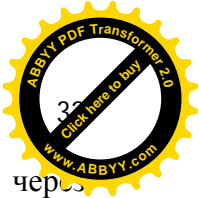
Подытоживая морфологию этрусских местоимений, насколько она нам сегодня известна, надо обозначить особенности местоименного склонения по сравнению с именным. Казалось бы, в местоименном выступает тот же сонорный элемент –l-, что и во II склонении имен. Но отличия налицо. Это окончание генетива -la вместо –al, -l; присоединение окончания локатива II –θi- к –l- (clθi, esclθi), связующее локатив в одну группу с генетивом и дативом (чего для этрусского имени не наблюдается); и, напротив, отстояние аблатива с его показателем (-i)s (-teis, -cś, -tś) от этой группы; кроме того, способность форманта -le, фигурирующего во II склонении имен как показатель датива, принимать на себя в местоименном склонении также функции локатива I (см. выше о словосочетаниях θaure lautneścle и tleχe hanipaluscle); наконец,

то уже неоднократно оговаривавшееся обстоятельство, что до сего дня лишь для местоимений засвидетельствована особая форма аккузатива.

Обратим еще внимание на контекст Pe 5.2...caresri aules larθial presuθuraši larθialisvle cestnal clenaraši «...надлежало поставить Авлу и Ларту Преку, сыновьям Лартовым и женщины из рода Кестна...» (эта надпись уже цитировалась нами выше и много раз будет цитироваться дальше – из-за ее показательности для целого ряда явлений этрусской грамматики). Уже давно вставал вопрос, является ли [v] в форме Larθialisvle (сев.) простой звуковой вставкой (анаптиксой) между [s₂] и [l], или тут проступает особый показатель множественности. Сегодня этот вопрос надо считать разрешенным благодаря Большой Кортонский надписи с ее двукратно употребляемой конструкцией (A,2-3, 21-22)...cusuθuraś larisalisvla... «членов рода Кусу, (детей) Ларсовых», где Larisalisvla (сев.) выступает как членная форма определения, согласованного в числе и падеже с генетивом от собирательного Cusuθur(a) (сев.) «члены рода Кусу» (к образованию этой формы см. 5.2.3). Таким образом, можно утверждать с уверенностью, что в составе членных форм энклитическое местоимение –śva- – представляет множественное число от –śa.

Третий разряд склоняемых слов в этрусском – после собственно имен и местоимений – составляют числительные. Этрусские числительные неплохо изучены благодаря надписям на игральных костях и обилию эпитафий, указывающих, скольких лет от роду скончался тот или иной этруск. Их порядок достоверно известен от 1 до 6: θu “1”, zal “2”, ci “3”, huθ “4”, maχ “5”, śa “6”, далее sar “10” и zaθrum “20”. Для числительных от 7 до 9 наиболее правдоподобен порядок semφ “7”, cezр “8”, nuφ “9”. Названия десятков свыше 20 образуются добавлением к основным числительным первой десятки элемента -alχ-< пратир.*-alχ^vi- (см. статью «Тирренские языки»), cialχ- (вар. cealχ-) “30”, muvalχ “50”<*maχ^v-alχ^vi, śealχ “60”, semφalχ “70/?”, cezрalχ- “80/?”, . Числа, состоящие из десятков и единиц, в том случае, если единиц не больше 6, выражаются простым соположением вторых и первых: huθzars «14-ти» <*huθis saris (AT 1.40), cis cealχls «33-х» (AT 1.20), cis muvalχls «53-х» (Ta 1.185), maχ cezрalχ «85» (Ta 1.82). Если же единиц в составном числе 7, 8 или 9, то число десятков увеличивается на одну и из этого числа с помощью послелога –em «без(?)» вычитаются, соответственно, 3, 2 или 1: eslem zaθrumis «18-ти», (букв. «20-ти без двух»), ciem cealχus «27-ми» («30-ти без трех»), θunem cealχus «29-ти» («30-ти без одного») (LL VI,14;X,2; IX,12, XI,12), θunem muvalχls «49-ти» («50-ти без одного», Ta 1.183). (О возможности перевода процитированных форм из «Книги Мумии»

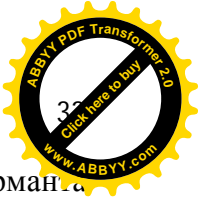
порядковыми числительными - «18-го (числа)», «27-го» и «29-го» - см. ниже черт абзац. К структуре числительных эти колебания в переводе не имеют отношения).

Как видно из приведенных примеров, этрусские числительные изменяются по I-му именному склонению (генетив на -s). При этом числительные θu и zal перед падежным окончанием и послелогом -em обнаруживают особые основы $\theta un-$ и $esl-$, $esal-$. Помимо форм $\theta un-em$ и $esl-em$, см. $esals\ cezpa\chi ls$ «82-х» (Vc 1.93), LL VI,13 ... $\theta uns\ fler\acute{s}$ «...одного изображения бога (??)». Диалектные колебания в склонении десятков на $-al\chi-$ - ср. $cial\chi ls$ в надписях из Тарквиний, но $seal\chi us$, $seal\chi us$, $seal\chi uz$ в тексте «Книги Мумии» - исторически представляют разные рефлексы пратирренского лабиовелярного $*\chi^v$.

Настоящей проблемой является оформление порядковых числительных в этрусском. С одной стороны, вроде бы хорошо прослеживаются формы $\theta un\acute{s}na$ «первый, -ая, -ое» (LL VI, 12-13... $etnam\ ei\acute{s}na\ i\chi\ flere\ crap\acute{s}ti\ \theta un\acute{s}na\ \theta uns\ fler\acute{s}$ «...такая же жертва, как первая (у) изображения (бога) Крапти – (жертва) у одного изображения бога»)²⁸, $za\theta rum\acute{s}ne$ «20-го» (LL VI,9). А с другой стороны, во многих контекстах календарного характера из «Книги Мумии», где ожидалось бы порядковые числительные, появляются формы на $-s$, $-is$, по виду представляющие генетивы числительных количественных: LL VI,14 $eslem\ za\theta rum\acute{i}\acute{s}\ acale$...«19-го (=19-ти) в июне...»; IX f2 $ciem\ seal\chi us\ lau\chi um\acute{neti}\ ei\acute{s}na$...«27-го (=27-ми) в лавхумне («царском доме») жертва...»; VIII,3... $celi\ hu\theta i\acute{s}\ za\theta rum\acute{i}\acute{s}\ fler\chi va\ ne\theta un\acute{s}l\ suci\ \theta ezeri-c$ «сентября 24-го (24-х) изображения Нетунса надлежит...»²⁹. Сходным образом, известное тарквинийское изображение четырех демонов смерти Харунов (Ta 7.76, 7.77-7.80), где три Харуна из четырех определяются особыми эпитетами, дает при имени последнего, четвертого демона подпись $\chi arun\ hu\theta s$. Здесь $hu\theta s$, которое естественнее всего понимать в смысле «четвертый», по виду тождественно генетиву от количественного $hu\theta$ «4», ср. Ta 1.192... $avils\ hu\theta s\ muval\chi ls\ lupu$ «...умер 54-х лет». Неясно, имеем ли мы дело с особенностями этрусского «синтаксиса числительных»

²⁸ Это место настораживает уникальным написанием $fler\acute{s}$ взамен постоянно встречающийся в «Книге Мумии» формы $flere\acute{s}$ (IV,8; VI,12; IX,14). С другой стороны, сомнительно – стоит ли, подобно Пфиффигу, пытаться различить $flere\acute{s}$ «изображение бога» и $fler-\acute{s}$ – якобы «жертва, жертвенное животное» («...такая же жертва, как первая у изображения бога Крапти – жертва одного животного»). Этрусские надписи дают лишь $fleres$ в первом значении.

²⁹ Семантика форм $acale$ и $celi$ в сочетаниях с числами как будто устанавливаются надежно благодаря сообщению лексикографа Паппия о том, что месяцы июнь и сентябрь звались по-этрусски (Tuscorum lingua) $Aclus$ и $Celius$. Однако в «Книге Мумии» форма $celi$ появляется много раз при изложении деталей ритуальных процедур, где значение метонима по смыслу не подходит вовсе (IV,14; IV,21; V,10). Вероятно, здесь имеет место омонимия.

или со звуковым совпадением окончания генетива $-(i)s$ и некоего форманта порядковых числительных – может быть, включающегося в сложный суффикс $-sna$, известный по формам $\theta unśna$, $zathrumśne$.

При помощи суффикса $-z$, $-zi$ образуются числительные наречия, передающие кратность действия или происшествия... Vc 1.93... $zila\eta nu$ $sezp z$ $purtśvana$ θunz ... «...был (-вший) *цилатом* восьмикратно(?), *пуртсваном* (диктатором?) – единожды...»; Та 1.183 ... $eslz$ $zila\eta n\theta as$... «...бывший дважды *цилатом*...» Vc 1.94... $zila\eta nu$ ciz $zilcti$ $purtśvavcti$ $lupu$... «...трижды был(-вший) *цилатом*, в должности *цилк пуртсвак* умер(-ший)...»; Та 1.170... $cizi$ $zila\eta nse$ $me\theta lum$ $nur\phi zi$ $can\theta se$ «...трижды был *цилатом*, девятикратно(?) страну $can\theta se$ (?- может быть, речь идет о процедуре типа римских ценза или люстрации)».

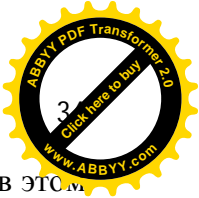
Особый компонент этрусского словоизменения представляют послелогои, в ряде случаев формально распознаваемые по их способности помещаться после падежного окончания имени, самостоятельного местоимения или энклитического местоимения в составе членной формы имени. Нужно оговорить, что указание «после падежного окончания имени» означает, помимо прочего и «после нулевого окончания аккузатива у имен».

Основные послелогои и их сочетаемость с падежами:

- pi с аккузативом – $mini-pi$ ($>$ $minpi$, $mi\pi i$) «для меня», $Aritimi-pi$ «для Артемиды», $Turan-pi$ «для Туран»; $Raquvu-pi$ «для Ракуву».
- $tres$ с аблативом – $sacni-cś-tres$ «для этого святилища», $śpures-treś$ «для города», $Unialas-tres$ «для храма Уни»;
- ri с локативом - в обороте $sacni-cle-ri$ $cil\theta l$ $śpure-ri$ $me\theta lume-ri-(c)$ $enaś$ «святилищу общины Килт, городу и стране его/ее».

Несомненно наличие также послелогов $-tra$, $-tre$ но они до сих пор встречались либо при словах с неизвестным значением вроде $hil\eta vetra$, $huzrnatre$ (Та 1.17, Ll VI,2), либо в «плохих» контекстах, где пока что не удастся понять функции морфологически ясных образований. Таков случай с послеложным образованием $Vipinal-tra$ от генетива женского фамильного имени $Vipina\eta i$ в надписи Vt 4.5. fl. $śupri$ $manince$ $vipinaltra$ $ul\eta niśla$ $clz.$ $tatanuś$ ³⁰. Можно бы вспомнить еще $-in$, то ли послелог, то ли архаическое падежное окончание (Пффифиг) в выражении из «Книги Мумии» $V,16$... $vasl$ $\theta esnin$... «...приношение на заре...» или «...приношение для (богини) Зари», не

³⁰ Послелогои $-tral$, $-tra(-m)$ в сочетании с падежными формами указательного местоимения предполагаются за написаниями $cltral$, $cntram$ в LL VIII,5; IV,13.

вписывающееся в нормальную парадигму изменения слова со значением «заря» в этрусском памятнике - ном. *thesan* (V,19 и др.), ген. *thesns* (XI,11), лок. *thesane* (V,21), но перекликающееся с оформлением наречий *hanθin* «вперед», *hinθθin* «внизу» или «снизу» (LL XI,3; XI,7; X,11).

Наряду с настоящими послелогоми, в этрусском обнаруживается случай перехода наречия *sexa* со значением «выше» или «вперед» в послелог, означающий «за кого-то» или «ради кого-то»: ср. Ре 8.4... *iχ sa sexa ziχiχe*... «как это выше (или «вперед») написано», но Со 3.6. *veliaś fanacnal θuflθas alpan menaχe clen sexa* «от Велии Фанакнай божествам Туфлта охотно посвящено (или «вручено») ради сына»; ОА 3.9... *prisnius turse hercles clen sexa*... «...Присниу посвятил Херкле (=Гераклу) за сына...». Но если здесь свободное наречие становится послелогом, управляя косвенной формой *clen* от *clan* «сын», то, с другой стороны, настоящие послелогои *-tra*, *-tre*, *-tres*, *-tral(?)* выдают древнее падежное словоизменение некоего имени **tra*. Таким образом, исторически различные группы этрусских послелогов оказываются на промежуточной территории между морфологией и синтаксисом.

В системе этрусской глагольной морфологии выделяется древний слой не то суффиксов, не то расширений корня, порождающих особые основы со значением каузальности, медиопассива и т.д. Таковы:

- 1) Формант каузатива *-eθ-* в форме *ceseθce* «положил» при *cesu* «положен, покоится», ср. Та 5.3 [*spur*]inas *sacni θui ceseθce* «[Спур]ина святилище здесь заложил», но Та 1.52 *gamθa zertnai θui cesu* «Рамта Цертнай тут покоится/положена»; Ср 5.2... *apa-c ati-c saniśva θui cesu clavtieθurasī* «...и отец и мать ...тут положены членами рода Клавтие (=Клавдиев)»
- 2) Показатель медиопассива *-(i)n* особенно очевидный в форме *cerine* «встал», «был поставлен»: см. LL VI,12... *enas usil cerine*... «...когда солнце встало...», но Vc 8.1 *esa śuθi-c velus eχpus clensi cerine* «это (т.е. урна) и погребение Вела Эцпу поставлены сыном» (менее вероятно толкование «это и погребение поставлены сыну Велом Эцпу», см. 5.3.1); В последнем случае налицо пассивный эквивалент известной в этрусских надписях конструкции (ср) *śuθi ceriχunse* «(это) погребение поставил, -и»
- 3) К той же группе формантов может принадлежать *-s/-z*, корневой расширитель или группа расширителей-алломорфов с невыясненным значением (по Пфиффигу – выразитель интенсива). Так мы имеем корень *hes-* «класть, помещать, ставить», снабженный этим расширителем, в формах *hexz*, *hexśθ* «помести, поставь» (LL XI,4 ... *vacl hexz etnam iχ matam* ... «...приношение помести, так же, как и

прежде...»; IX,14-15...heχsθ vinum trin flere neθunsl... «...помести (поставь) вино, возлей (или «поднеси») при изображении Нетунса...». Но тот же корень без расширителя видим в hese, hesece «поставил, поместил» (Ta 5.1 arnθ spuriana súθil hesece... «Арнт Спуриана поместил то, что относится к погребению»; Pe 5.1 arnθ larθ velianaš arzneal husiur suθi acil hese «Арнт (и) Ларт Велиана, дети женщины из рода Арнца поставили гробничное сооружение», букв. «гробницу-сооружение поставили»)³¹ Можно думать, что этот же элемент встречаем в должностных формах вроде (ein) heczri «(не) следует помещать» (Pe 5.2.), caresri «следует поставить» (там же), acašri «надлежит сделать» (ТС 2,19,26) при acil – «дело, изделие, сооружение». Впрочем, в последнем случае вспоминается и выражение из надписи Та 1.17...cn ziχ neθrac acasce.. «...кто эту книгу гадательную создавал...»

Не исключено, что к тому же старому слою модификаторов глагольного корня относился и -u, показатель медиопассивных предикативов mulu «подарен», lupu «умер, -ший», tenu «исполнил обязанности» (лат. functus), aliqu «принесен», zinaku «изготовлен» и т.д.

Среди временных форм этрусского глагола отчетливо выделяются два вида претерита – на -e<-ai и на -ce. Претерит I (его сравнивают с лемносскими образованиями aomai «был», sívai «умер») в древнем звучании показателя представлен словом akarai «сотворил» из надписей VIIв.до н.э. Cr 0.4...an ikan ziχ akarai «...который эту надпись сотворил», также AT 0.1, где общий контекст непонятен. В звучании показателя более позднем, этот претерит демонстрируют формы muluvene, mulune «подарил», ame «был», serine «был поставлен», «встал», с тем же суффиксом tenine «исполнено», (о статуе, приносимой богу, вероятно, по обету), leine «умер» (локализм, конкурирующий с общеэтрусскими выражениями lupu, lupuse в надписях из Вольтерры, Vt 1.17, 1.95, 1.102, 1.109, 1.133, 1.172). Сюда же относятся такие раритеты, как tenve, zilaχne в Вольсиниях, где окончание претерита I (как -ce в претерите II) присоединяется прямо к основам предикативов на -u tenu и zilaχnu: Vs 1.179...marnuχ spurana eprθnev-c tenve meχl-um rasneas clevsinsl zilaχne... «...исполнял обязанности городского маронствующего и эпртнева, был цилатом государства клузинского(?)».

³¹Смысловая оппозиция корней sag- и hes-, которые в надгробных и строительных надписях выступают практически синонимами, раскрываются через сопоставление контекстов LL VII,12 enac usil serine...«когда солнце встанет...» и X,15... hinθiu hexz velθre «...вниз поставь, наземь». Корень sag- этимологически обозначал «движение снизу вверх», а корень hes- - «движение сверху вниз».

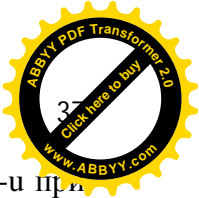

Претерит II известен по множеству примеров: это *acase* «создавал», *alice* «принес», *amce*, вар. *amase*, *amuce* «был», *ceseθce* «заложил», *zinace*, *zinece* «изготовил», арх. *zixvanace>zixunce* «написал, надписал», *cerixunce* «поставил», *hesese* «поставил, поместил», *θrasce* «стал, сделался(?)», *luruce* «умер», *lucairce* «осуществлял власть наподобие царской», *zilaχ(u)ce* «исполнял обязанности цилка» *muluvanice* (*muluvenice*, *mulunice*) «подарил», *menace* «вручил или преподнес», *svalce* «прожил», *turuce*, вар. *turce*, *turice* «посвятил» и т.д. В этрусских текстах от одних и тех же корней и основ могут образовываться формы как претерита I, так и претерита II. Очень наглядны пары дублетов *ame:amce* «был» (C1 1.183 *larθi petrui larθial šentinateš puia ame* «Ларти Петруи была женой Ларта Сентинате», но Та 1.168 *semni r(a)mθa spitus la[rθal] puia amce...* «Рамта Семни была женой Ларта Спиту...»), *muluvene:muluvanice*, *muluvenice* «подарил» (Vc 3.4 *mine muluvene avile acvilnas* «меня подарил Авил Аквилна», ср. Vt 3.1 *mine muluvanice vhlakunaie venel* «меня подарил Венел Флакунай»); наконец, *zilaχuce* «был цилком» (AT 1.109): вольсинийское *zilaχve*. Похоже, что в историческую эпоху этрусского языка претерит I выступает как более редкая и ограниченная в применении модель. Для тех этрусских глаголов, у которых представлены как медиопассивный предикатив на -u, так и претерит II на -ce, можно предложить классификацию, основанную на соотношении между этими основами. По этому критерию в наличном материале выделимы три класса глаголов:

Класс I (*luru:luruce*, *zilaχnu:zilaχuce*, вероятно, *tenu:tence<*tenuce*): показатель -ce непосредственно присоединяется к форманту -u, который в таких случаях не имеет значения пассива. В этом классе формы предикатива на -u и претерита II свободно взаимозаменяемы.

Класс II (*mulu* «подарен»: *muluvanice*, вар. *muluvenice*, *mulunice* «подарил», *cerixu* «поставлен»: *cerixunce* «поставил», <**kerixuvanike*, сюда же *zixunce* «надписал» <*zixvanace*; в этом классе окончание -ce следует за суффиксом -anV-, который, в свою очередь, наращивается к основе предикатива на -u. Типично для данного класса то, что претерит II по отношению к предикативу на -u выступает как каузатив.

Класс III (*alice* «принес»: *aliqu* «принесен», *zinake* «изготовил»: *zinaqu* «изготовлен»). Здесь в претерите II -ce следует непосредственно за глагольным корнем. Если от таких корней порождается предикатив на -u, то его формант присоединяется к элементу -c - в претерите, трактуемому как часть корня. Порождаемые таким образом предикативы имеют семантику четко пассивную - они выступают пассивными трансформами претерита II.

К сожалению, неизвестно, могут ли и как образовываться предикативы на -и и редко встречающихся в текстах претеритах вроде *uṭanice* (может быть, «вылепил»), где суффикс *-anV-* стоит прямо за корнем³².

Претериту I и II, выступающим как варианты этрусского активного претерита (в их структуре медиопассивность может выражаться модификатором основы *-(i)n-*, ср. *seṭine*, *tenine*), противостоит нечастый претерит на *-ḫe*, у которого показателем пассива (возможно, медиопассива) является само окончание: *menaḫe* «был преподнесен» или «вручен», *ziḫuḫe* «был на(д)писан», *farṭnaḫe* «был рожден, родился», также *aliḫe*, если правильно предложено Риксом чтение надписи *Vs 3.6 hermu zar[u] aliḫe cvl[sansl]* «статуя...принесена Кулсансу». По характеру аффиксации претерит II и пассивный претерит от одних и тех же глагольных корней могут образовываться как гомологично (*menese:menaḫe*, *alice:aliḫe*), так и негомологично (*ziḫunse:ziḫuḫe*).

До сих пор весь материал, относящийся к этрусскому глаголу, не дает указаний на его изменение в историческую эпоху по лицам и числам. Несомненно, что претерит II на *-se* не различает единственного и множественного числа 3-го лица: ср. значение формы *seṭiḫunse* в *Cr 5.3 vel matulnas larisališa clan an cn šuṭi seṭiḫunse* «Вел Матулна, Ларсов сын, /который это погребение поставил» и в *Cr 5.2 laris avle larisal clenar sval cn šuṭi seṭiḫunse...* «...Ларс (и) Авл, Ларса сыновья, при жизни(?) это погребение поставили».³³ В то же время для претерита на *-ḫe* можно утверждать с такой же уверенностью, что он не различает 1-го и 3-го лиц в единственном числе. Это видно из сравнения контекстов *Pe 8.4 ...iḫ sa seḫa ziḫuḫe* «как это выше (или «вперед») написано» и *Fa 6.3 mi araṭiale ziḫuḫe* «я надписан Ара(н)том» (менее вероятно, что «для Ара(н)та»). В то же время дискуссионно, имел ли также и претерит на *-se* особые формы для иных лиц, кроме 3-го. Здесь решение зависит от того, как трактовать немногочисленные «говорящие» надписи с активным претеритом, где в начале стоит не *mini*, а *mi*, вроде *Cr 7.20 mi aranṭ ramuṭaṣi veṣtiricinala muluvanice*.

Спрашивается, имеем ли мы здесь обычную «говорящую надпись», только с немаркированным аккузативом («меня Арант Рамте Вестириканаи подарил»), или же

³² Таким образом, общая формула структуры претерита II имеет вид: «корень +(u)+(-anV-)+se. Разными реализациями этой формулы определяются различные варианты не только формального, но и семантико-грамматического соотношения между предикативом на -и и претеритом II.

³³ Еще один пример такого рода дает уже цитировавшаяся надпись *Pe 5.1 arnṭ larṭ velianaš...suṭi acil hese* «Арнт (и) Ларт Велиана погребальное сооружение поставили». Здесь *hese* – либо претерит I, либо гаплогическая передача претерита II *hesese*. В любом случае перед нами опять форма претерита, не различающая чисел в 3-ем лице, -но в первом варианте это бы значило, что их не различал не только претерит II, а и претерит I тоже.

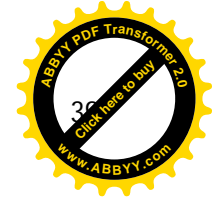
надпись от лица дарителя («я, Арант, Рамте Вестирикинаи подарил»), где в данном случае глагол *muluvanice* соотносится с субъектом, выраженным посредством местоимения *mi*? На наш взгляд, последнее решение выглядит предпочтительнее мысли о совпадении в *mi* значений «я» и «меня».

К сожалению, о других глагольных временах в этрусском, кроме претерита почти ничего не известно. Формы презенса часто усматриваются в некоторых словах с исходом на *-a* (Vt 5.2 *eta sren tva...* «этот рисунок показывает...» Pe 8.4 [t] *eurat tanna la rezuś* «...в качестве судьи заявляет Ларт Рецу...»; там же... *ipa ama hen paper XII velθinaθuraś arasś* «...где суть 12 *paper* (какие-то единицы площади) земли рода Велтина...»). Это очень привлекательная гипотеза, но хороших примеров, которые бы ее поддерживали, пока маловато³⁴.

Этрусская глагольная система включает также формы на *-as(a)*, *-θas(a)*, часто рассматриваемые в грамматиках как причастия. Они выражают действие, иногда явно, иногда имплицитно (когда речь идет о деяниях усопшего), соотносимое с другим действием или состоянием: AT 1.108 *...zilaxn[ce] spureθi apasi svalas marunuxva serpen tenu* «...был цилатом, - в городе при отце живя, исполнял обязанности жреца»; Та 1.9 *velθur partunus...zilχ seχanerī tenθas avil svalθas LXXXII* «Велтур Партуну...исполнявший должность *цилк кеханери*, проживший 82 года» (в том же значении что *tenθas*, см. форму *tenθasa* в AT 1.1 *zilc tenθasa eisnev-c eprθnev-c macstrev-c tenu...avils XXXVI lupu* «исполнив *цилк*, исполнял и должность *eisnev-*, и должность *eprθnev-* и магистерство...36-ти лет умер»); Та 1.183 *...eslz zilaxnθas avils θunem muvalχls lupu* «дважды пробыв *цилком*, умер 49-ти лет»; Та 1.168...*lupu avils...huśur ci aspanas* «умерла...лет, трех детей (вз)растив»(?); AT 1.96 *...clenar zal arce aspanasa...* «...двух сыновей сотворил (?), (вз)растив». В этой группе образований прослеживается суффикс *-θ-* (*svalθas*, *tenθas*, *zilaxnθas*), для которого на основании морфологической минимальной пары *svalas* «живя»: *svalθas* «проживший» выводится значение совершенного вида (законченного действия, предшествования)³⁵.

³⁴ Укажу здесь на «предикативную частицу» *ma*, которая иногда рассматривается как усеченный клитический вариант той же глагольной формы *ama* «есть»: Та 1.1. *mi ma mamarce spuriazas* «я – Мамарк Спуриана»; Vt.1.56. *mi ma larisa hekunas* «я – Ларса Хекуня»; Vt 1.168 *mi ma śuθi-c la fulusla* «и я (погребальная урна) и погребение – Ларта Фулу (сына) Ларта».

³⁵ Неразъясненный казус – форма *sacniśa* «освятивший, освятил», зафиксированная по надписям шесть раз и при этом неизменно – с иным суффиксальным спирантом, чем тот, что выступает в причастиях *aspanasa*, *tenθasa*. Нельзя усомниться в том, что эта форма глагольная (ср. Та 5.5... *larθ velxas...sacniśa θui [ecl]θ suθiθ asazt* «...Ларт Велха...освятил изделия (сооружения) здесь в этом погребении»), а «Книга Мумии» VIII,10-11 дает хороший пример корреляции действия, выраженного этой формой, с другим действием... *vacl ar flereri sacnisa sacnicleri trin flere neθunsl* «...приношение сотвори изображению бога – посветив святилищу сему,

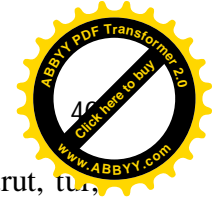
Пониманию форм на –as, -asa как причастий способствовали правдоподобные случаи изменения их по падежам. Таков, прежде всего, контекст АТ 1.109, где про некоего Алетну (личное имя повреждено), сына Сетре, сказано, что он ...clansi muleθ svalasi zilaxnuse «...был цилатом при сыне живущем в...». В этом пассаже, вероятно, соизмеряющем карьеру отца с возрастом сына, svalasi представляет датив от svalas «живущий» (<*svalasas(?), согласованный с определяемым clensi. В словосочетаниях из надписи Тефария Велианы Ст 4.4 ilacve tulerase и ilacve alsase можно было бы допустить локативные формы причастий на –asa, но это было бы именно что чистым допущением на современном этапе осмысления данного текста.

Единственный известный на сегодня случай этрусской описательной конструкции с каузативным значением доносит надпись Та 1.182 ...an šuθi lautni zivas ceriχu tešamsa «...который, погребение семейное...поставить распорядившись...») (букв. «...о поставленном погребении распорядившись...»). Тут ceriχu – это обнаруживающий в самостоятельном употреблении тот самый медиопассивный предикатив от корня set- «ставить, вставить» (с неизвестным, вроде бы, при других корнях расширением -iχ), что лежит в основе активного претерита II ceriχunse «поставил».³⁶

Если обратиться к наклонениям этрусского глагола, то в предписаниях из «Книги Мумии» выделяются два вида императивов со значениями вроде «поставь», «соверши», «возлей» и т.п.: императив I, состоящий из простой основы (однако она может включать корневые расширители –s/-z, n) и императив II, где эта основа дополняется формантом –θ: heχz : heχśθ «помести», «поставь», trin:trinθ «возлей» или «преподнеси», nunθen : nunθenθ «соверши (обряд)». Отношение между императивом I и императивом II толкуется по-разному. В частности, можно поставить вопрос о связи между формантом -θ, характеризующим императив II и частицей θi, которая в ряде случаев появляется по соседству с императивом I в его облике чистой основы: ср. XI,2-4 ...trut-um θi θapneś-ś trutanaśa hanθin celi tur hetum vinum θi-c vacl heχz...6.../θi/

сотвори возлияние (или подношение) при статуе Нетунса...». Неясно, представляет ли –iśa в sacniśa алломорф к причастному форманту –as, -asa, или это исторически иной суффикс.

³⁶ Корневой расширитель -iχ, предшествующий форманту предикатива –и, встречается также в двух редких формах: 1) teniχunse (Pe 3.2), похоже значащей «исполнил по обязанности» (применительно к воздвигаемому сооружению) и соотносящейся с tenine «исполнен» (о votивной статуе) так же, как ceriχunse с cerine (в конечном счете корень у tenine, teniχunse общий с tenu «исполняют, -вший должность»), и 2) haχiχunse в несколько загадочной надписи AS 0.3 ei ki haχiχunse aule kavini śex(-c) «не трое...ли, - Авл Кавини с дочерью».

nunθen etnam θi trut..., где θi настойчиво выступает рядом с императивами I trut, tu, hexz, nunθen..

Особый юссив на –е постулировали на основании одного-единственного случая: формы ame (внешне совпадающей с ame «был») в надписи Перузинского столба (Pe 8.4). Там вначале судья Ларт Рецу провозглашает ame vaχt lautn velθinaś eśtla afunaś, якобы «да будет договор семейный (родов) Велтина и Афуна». Такая интерпретация заманчива: но что, если Ларт Рецу напоминал о старом договоре, каковой был (ame) прежде и теперь восстанавливался в своей силе?

Наконец, для этрусского очень характерны т.н. долженствовательные формы на -ri с расплывчатой временной соотнесенностью, которые по разным случаям уже приводились выше: acasri «надо сделать», caresri «надо (было) поставить», (ein)heczi «(не) следует помещать»,. Сюда же относится nunθeri «надо справиться, совершить» в тексте на Капуанской черепице (TC 11 ...nunθeri auθleθaium vacil ia leθamsul nunθeri vacil ia riθnaita «...должно быть auθleθai совершено приношение для (бога) Летамса, должно быть совершено приношение ia riθnaita...».

Некоторые, явно глагольные этрусские словоформы остаются грамматически неразъяснены. Таковы, например, θaricun и slariχun появляющиеся в составе этимологических фигур θaricun θarintaiś, θaricun θarintaś из популонской «Таблички проклятий» (Po 4.4)³⁷ и slariχun slarinaś из LI XI, 9-10.

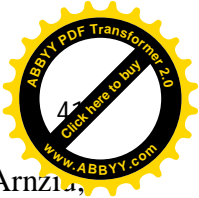
5.2.3. Основные способы словообразования.

Главный прием этрусского словообразования – суффиксация. Причем в данном разделе речь будет идти в основном о суффиксации именной, так как суффиксация глагольная – за одним, рассматриваемым ниже исключением – уже разбиралась выше в 5.2.2. как явление морфологии.

Весьма продуктивна в этрусском группа суффиксов, которые выражают уменьшительность, а применительно к личным именам, возможно, приносят эмоциональные оттенки вроде ласкательности или фамильярности. Таковы:

- za, суффикс апеллативов и личных имен; ср. пары апеллативов qutum «сосуд-котон» : qutumuza «маленький котон», leχtum «сосуд-лекиф»: leχtumuza «маленький лекиф», zavena вид сосуда: zavenuza «маленькая цавена»; далее пары имен мужских Aule: Aulza, Venel: Veneza, Venza; Larθ: Larza, Laris:Larriza и женских Velia:Veliza, Ramθa:Ramza, Ravnθu:Ravntza;

³⁷ В популонских формулах, обрамляющих цепочку имен проклинаемых людей, пытались усмотреть 1-ое лицо претерита («я проклял») или презенса («я проклиная»). Но с тем же правом здесь можно увидеть императив типа «да будут прокляты».

- -iu, суффикс ласкательных мужских имен, см. пары Aule: Auliu, Arnθ: Arntiu, вар. Arnzi, Velθur:Velθuriu, Larθ:Larθiu, вар. Larziu; вероятно, он же представлен в когномене Claniu «Сынок» и в апеллативе husiur (Перузия), варианте к huśur «дети» или «юноши»;
- (i)cu, суффикс уничижительных (?) вариантов женских имен, выделяется благодаря парам Θania:Θanicu, Velia:Velicu (причем «Танику» и «Велику» документированы как имена вольноотпущенниц), Hasti:Hasticu, Larθi:Larθicu;
- -(i)le, -la, представленные в этрусских именах вроде Arntile (~Arnθ), Ranθula (~Ravnθu), суффиксы италийского происхождения, ср. латинские формы вроде pupillus,-a «сиротка» от pupus «мальчик», pupa «девочка», mamilla «сосок» от mamma «грудь, вымя», Drusilla от Drusus; особенно примечательны имена с т.н. сдвоенным выражением уменьшительности, где заимствованный элемент -ile нанизывается на чисто этрусский суффикс -za: Arnza:Arnzille, Venza:Venzile, Larza:Larzile.

Необходимо различать два, вероятно, генетически связанных и очень показательных для этрусского языка суффикса -θur(u) и -θur(a).

Первый обнаруживается с VII в. до н.э. в небольшой группе личных имен, которые, образуясь от характерных для Этрурии антропонимов Ar(a)nθ, Larθ, Vel, могут значить «сын или потомок такого-то»: Aranθur, < *Aranθ-θuru «потомок Аранта», Larθur < *Larθ-θuru «потомок Ларта», ген. Larθurus, Velθur «потомок Вела», ген. Velθurus, редко Veθurs, Velθuras (первый вариант генетива зафиксирован более, чем в 40 случаях, каждый из последних – в двух-трех). К этой же группе относится очень редкое имя Tinθur, образованное от теонима Tin (Tinīa) «Бог Грозы» и несущее смысл «Потомок Громовержца».

Второй суффикс -θur(a)/ -θura выступает в собирательных обозначениях членов одной семьи, также в обозначениях различных общин и коллегий. Примеры первого употребления: Pe 8.4 ...esa velθinaθuras θaura «...это гробница членов рода Велтина...», (родовое имя Velθina неоднократно упоминается в этой длинной надписи); Pe 5.2 sehen suθi...caresri aules larθial presuθuraśi... eθ fanu lautn presuś... «...это погребение...надлежало поставить Авлу (и) Ларту из рода Преку... это фамильное святилище Преку», Co 3.2. mi suθil velθuriθura turse au velθurifniścial «я погребению рода Велтури посвятил, - Авл Велтури, сын женщины из рода Фниске» (возможно, описка - velθuriθura вместо velθuriθuras). В некоторых случаях этот суффикс превращается в часть фамильных имен. Например, в Перузии рядом с родовым именем Anei фигурирует когномен Aneiθur(a) – прозвание одной из частей рода Вете (Pe 1.390, 1.391). Наряду с популярным на севере Этрурии когноменом Marcni (от италийского по происхождению

имени Марсе)встречается форма *Marcniθur* (AS 1.99 *heva marcniθur pupeinal* «Хелла Маркнитур, сын женщины из рода Пупейна»)³⁸.

Примеры на второе применение данного суффикса: AT. I.32 *statlanes larθ velus...maru paθaθuras caθsc...* «Ларт, сын Вела Статлане... марон Вакховой коллегии и Солнца...» Vs 7.9. *tesinθ tamiaθuras* «распорядитель (?) храмовой общины»; можно отметить также появляющуюся в неясном, испорченном контексте Та 5.4 форму *seχasieθur*, образованную от титула или наименования должности *seχase* (Та 7.82, 7.83).

К другим показательным, хотя скорее рудиментарным, элементам этрусского именного словообразования принадлежат:

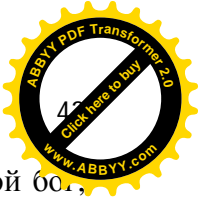
- (i)пθ суффикс нескольких имен деятелей: таковы *Leinθ*, имя демона смерти, родственное глагольной форме *leine* «умер» (корень, вероятно *lei-*); *tesinθ* «распорядитель»(?); *Aminθ* адаптированное этрусками прозвание божка, идентичного латинскому Амуру (Амуру). По догадке М.Паллоттино, вариантом к этому суффиксу служит *-aθ<пθ*(с вокализацией слогового назального, как в *Araθ<Arnθ<Aranθ*), в таких образованиях, как *zatlaθ* «спутник», «член свиты» (лат. *satelles*, *-itis*), *zilaθ* «высший магистрат», *spenaθ* «служительница», *tevaraθ*, *tenrat* «судья».

- (i)l, реликтовый суффикс группы имен, возможно, исторически отглагольных: *acil* «изделие, произведение»; **aχ^vil* «дар» (рет. *akvil*, *aχvil* то же), сохраненное этрусским в составе апеллатива *tinscvil* «жертва» <**tinas-aχ^vil* «дар Тину» и женского имени *Θanaχvil<*Θana-aχ^vil* «дар (для или от) богини Таны»; *vasil*, *vacl* «почитание бога», «возлияние, приношение»; *gil* «возраст»; похоже, что к той же группе принадлежит и *avil* «год»³⁹.

- s, формант, который факультативно присоединяется к основам этрусских теонимов, обычно кончающихся на носовой, и может проходить через склонение, предшествуя падежным окончаниям: *Leθam* (вар.*Leθn*), *Leθms* имя хтонического божества, ген.

³⁸ То, что суффиксы **-θuru* и **-θura* могли друг друга дублировать видно из формы генетива *Velθuras* в Цере, 2 четверть VII в. до н.э., при *Larθurus* в Вольсиниях VI-V вв. до н.э. (Сг 2.16; Vs 1.3). Однако к началу письменной эпохи эти два суффикса уже должны были быть функционально дифференцированы друг от друга.

³⁹ Однако надо отметить, что генетив от *Θanaχvil* – *Θanχvilus* может указывать на древнюю u-основу **aχ^vilu*, тогда как *avil* «год», ген. *avils* твердо склоняется по типу согласных основ 1 склонения. Неизвестно, связано ли это с относительно поздним возникновением формы *avil*. Ведь она должна быть датирована временем после разделения этрусского и лемносского (где слово «год» звучало **avi*, ген. *avis*) – той раннеэтрусской эпохой, которая была отмечена усечением гласных основ в номинативе (см. 5.1.3).

Leθamsul; Nethuns, Neθunus «бог вод, Нептун», ген. Neθunsl; Selvan, Selvans «лесной бог, Сильван», ген. Selvansl, Selvansel; Fuflun, Fuflun(u)s «Дионис», ген. Fuflunl или Fuflunsl.⁴⁰

Особый разряд составляют суффиксы, которыми в этрусском оформляются прилагательные, в том числе субстантивиромые. Это -(a)χ/ -(a)c, χva/-cva, -na.

Суффикс -(a)χ выписывается в формах *gumaχ* «римский» или «римлянин» (Vc 7.33 *sneve tarχunies gumaχ* «Гней Тарквиний Римский»), *velznaχ* «вольсинийский», соотв. «вольсиниец» (Vc 7.22 *laris paraθnas velznaχ* «Ларс Папатна, вольсиниец»); в *θaurχ* «погребальный» (от *θaura* «гробница, склеп») см. титул жреца из «Книги Мумии» *seren θaurχ* (VI,I,5,21), в титуле *marunuχ* (редко *marunuc*) «облеченный маронскими полномочиями» (AT I.17) *arnθ xurcles ...zilc parχis amce marunuχ spurana seren tenu...* «Арнт Хуркле...был (в должности) *цилк пархис*⁴¹, исполнял обязанности жреца – городского, с маронскими полномочиями...»). Очень похоже, что тот же суффикс налицо в адъективе *mλαχ* «хороший, bonus». Однако сосуществование у последнего вариантов основы *mλαχ* и *mλαc* (*mлак*), надежно обнаруживаемое по генетивам *mлаxas* и *mлакas*, побуждает обратить внимание также на формант выписываемый в виде -(a)c, выявляемый в словах *neθsrac* «гадательный» (Ta I.17... *an cn zilχ neθsrac acasce...* «кто создавал эту гадательную книгу...»), ср. наименование *netśvis* или *netśvis trutnvt* “*haruspex*” «гадатель по внутренностям» в латинско-этрусской билингве Um I.7); в *semnac*, вар. *semnaχ*, эпитете некоего бога из «Книги Мумии» *ais (eis) semnac, -aχ* (IV,21; V,18; VIII,15; X,10); во *frontac* «гадатель по молниям», “*fulguriator*” из той же билингвы Um I.7 (если в последнем случае слово *frontac* – не адъективная часть словосочетания *trutnvt frontac*, со значением вроде «молнийный исследователь»). Нейтрализация придыхательных и непридыхательных в конечной позиции должно было способствовать смешению близких по функциям суффиксов -(a)χ и -(a)c, превращающихся в алломорфы, что и видим на примере *mлаxas/mлакas* (*mлаcas*).

⁴⁰ Едва ли следует относить к этому классу форм имя бога-ребенка Мариса, где основа, во-первых: всегда кончается на спирант, а во-вторых, судя и по южным, и по северным передачам, собранным в «Тезаурусе этрусского языка» этот спирант может быть разного качества – как [s₁], так и [s₂]. На юге встречаются написания *Maris* и *Mariś* (*Mariśl*), на севере *Mariśn* - *Marisl*. Однако превращение того же -s в часть именной основы можно предполагать для слова *fleres* «изображение бога», которое фигурирует по надписям с данным исходом в форме номинатива-аккузатива (Pe 3.3. *auleši metelis...cen flereś...tenine* «Авлон Метели...это-вот изображение бога...исполнено»; Co 3.7 *larθia atcinei flereś turce mantrnśl* «Лартия Атейней посвятила изображение Мантрнсу»), тогда как текст «Книги Мумии» демонстрирует склонение: ном.,акк. *fler*, ген. *flereś*, лок. *Flere*.

⁴¹ Это любопытнейший случай, когда *цилк* вразрез с многими другими показаниями практически фигурирует как название не должности, а должностного лица – эквивалент к *цилату*.

Что касается суффикса *-χva/ -cva*, его в литературе часто рассматривают как показатель множественного числа или, по крайней мере, собирательности. Но при оценке его первичной функции следует исходить из таких словосочетаний, как *marunuxva seren* «жреческий сан с маронскими полномочиями», или *zilc (zilχ) marunuxva \zilaθ maruxva* «высшая магистратура/ высший магистрат с маронскими полномочиями» (Та I,34; АТ I,96; I,108; I,121; АТ I,61), где эпитеты *marunuxva*, *maruxva* полностью изофункциональны рассмотренному в предыдущем абзаце *marunux*. Надпись АТ 1.169 *tetatus laris larisal marunuxva ten[u]* в которой *marunuxva* употребляется без предыдущего определяемого, показывает субстантивацию этого эпитета - «Ларс Тетатру, сын Ларса, исполнял, -вший (обязанности) маронствующего». Далее, в формуле из «Книги Мумии» *cletram šrenuxve* (II,10,12; III,12,16) налицо определяемое *cletram*, несклоняемое заимствование в аккумулятиве из умбр. *kletra* «ритуальные носилки», и определение *šrenuxve* – форма локатива от **šrenuxva*. Последнее же должно представлять из себя прилагательное, образованное от *sren* «рисунок, картинка» (сев.), которое известно по надписи *Vt S.2. eca sren tva iχnac hercle unial clan θrasce* «эта картинка показывает, как Херкле (Геракл) сыном Уни (Юноны) сделался (?)». Таким образом, *cletram šrenuxve* с определенностью переводится «в носилках изукрашенных, разрисованных». Замечательный пример этрусской метафорики являет надпись Та 1.16...*avil θesnuxva municlat zilaxnce* «был в месте этом цилатом в годы заревые» Здесь *θesnuxva* - несомненный адъектив от *θesan* «заря», который мы, правда, не знаем, как переводить –то ли как «юные, ранние годы», то ли как «годы закатные» (может быть даже в сингулярисе – «последний год»). Слово *pulumuxva* в этрусско-финикийской билингве из Пирги часто переводят как точное соответствие к финик. *kkbm* «звезды». Но при этом не считаются с целостным финикийским контекстом, который имеет вид *wšnt lm'š 'lm bbtj šnt km hkkbm 'l* «...и годы статус божества в доме его (да будут) как годы звезд вышних» и стало быть, не исключает для параллельного этрусского пассажа ...*itanim heramve avil eniaca pulumuxva* возможности перевода «...таковы (=столь многочисленны) у статуи годы (да будут) как у звезд» (букв. «как звездные»)⁴².

В то же время в некоторых случаях образования на *-χva/ -cva* могут выступать в качестве собирательных существительных. Не касаясь дискуссионной семантики форм *silθcva*, *maθcva*, *suluxva* в «Книге Мумии», отметим лишь параллелизм контекстов из этого памятника, демонстрирующий изофункциональность форм *fler* «статуя, изображение

⁴² Более поздняя надпись Ст. 4.5 из того же святилища уподобляет по какому-то признаку звездам (*pulumuxva snuiaφ*) вершившиеся в храме приношения – при этом то ли они, то ли храм определяются генетивом *avilxval*, предполагающим форму **avilxva* от *avil* «год,-ы». В целом понимание этого пассажа *vacal tmial avilxval amuce pulumuxva snuiaφ* на сегодня затруднено.

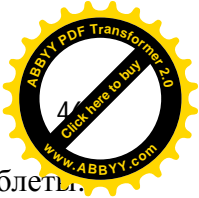

бога» и flerχva: VIII,7 ...vinum trin flere neθunsl... «...вино поднеси (или «возлей») при образе Нетунса»; но перед этим VIII,3-4 celi huθiś zaθrumiś flerχva neθunsl śuci θezeri- c...«сентябрь 24-е: надлежит... (- долженствовательные формы двух глаголов) flerχva («изображения, статуи(?)» Нетунса»; и в другом месте, XI, 15 huθiś zaθrumiś flerχve tr[in] neθunsl... «24-го возлей (или «преподнеси») при изображениях Нетунса». Подобные факты вызвали к жизни гипотезу (Пфиффиг), что формы на -χva/ -cva изначально представляя прилагательные, способны в субстантивном употреблении обретать собирательное значение и восприниматься как разновидность этрусского плюралиса.

Одним из популярнейших этрусских суффиксов является -на. Это старый показатель относительных прилагательных, как видно из титула *magunux spurana seren* «жречество городское с маронскими полномочиями», в котором *spurana* образовано от *spura-* «город». И не менее определено – это явствует из контекста *Fa 2.3 mlakasi sela aśka mi eleivana* «благодарю в подарок, я – вместилище для оливкового масла», где *eleivana* – прилагательное от этр. **eleiva* = греч. ἔλαιον «оливковое масло, елей». Некоторые из подобных форм в этрусском субстантивированы. Таковы *ais(u)na/ eis(u)na* «некто божественное» с развитием смысла «жертвоприношение», «жертва» (от *ais/eis* «бог»); *śuθina*, вариант к *śuθi* «погребение», первоначально, видимо, «погребальное (место или сооружение)»: *Paχana* «храм Вакха»; собственно – «Вакхово»; *hupnina* «усыпальница» (скорее всего, от греч. ὑπνος «сон»).

Но подавляющая масса форм с суффиксом -на – это родовые имена и прозвища (когномены). По данным «Тезауруса этрусского языка» число таких образований – даже если брать засвидетельствованные только в номинативе мужского рода – приближается к 400. Древнюю группу среди них могут представлять производные от личных имен, вроде *Vel:Velna*, *Velθur:Velθurna*, *Seθre:Seθrena* (ср. ретийские патронимы с суффиксом -nu/-na) типа: *Pitamni* «сын Питаме», *Vinutalina* «дочь Винутали»). Впрочем, в новоэтрусскую эпоху когномены с этим суффиксом образуются и от заимствованных италийских имен – *Snevna*, *Marcna* от *Sneve* «Гней», *Marcna* «Марк». Другую архаическую модель мы вправе увидеть в образовании при помощи данного суффикса родовых имен и местных названий от теонимов. Такой случай *Tarχna* < **Tarχna* – название города Тарквиний и старинный этрусский номен, восходящие к **Tarχu*, греч. Τάρχων – имени героя-предка, якобы доставившего некогда тирренов в Италию и генетически тождественного хеттолувийскому богу грозы Тарху (он же Тархуна или Тархунт).

На италийской земле этот исконно этрусский формант претерпевает сближение с «италоидными» ономастическими суффиксами -ne < итал. -nos и -ni < итал. -nios вплоть

до того они все начинают восприниматься как взаимозаменяющие варианты, дублеты. Например, в Клузии одно и то же родовое имя могло записываться как *Herina*, *Herine* или *Herini* (CIE, 2273-2275). Этой конвергенцией суффиксов значительно облегчалась описанная выше в 5.2.1. тенденция, когда у имен, не отличающихся в номинативе мужского рода от женского, тем не менее дифференцируются по роду, хотя бы косвенные падежи, образуемые для женских имен от параллельных основ, знающих различие рода: так в Клузии когномен «общего рода» *Purni* (ген. *Purnis*) может образовывать в женском варианте генетив от незасвидетельствованной основы **Purna* - *Purnal*, а в Перузии от когномена *Arzni* (ген. *Arznis*), формируется женский генетив *Arznial*, предполагающий основу **Arzne*.

Вообще, италийское воздействие на этрусское словообразование очень велико, отнюдь не ограничиваясь выражением категории рода. Например, к италийским этниконам, производным от местных топонимов, типа лат. *Arpinas*, *-atis*, *Samnis*, *-itis* восходит обширная серия этрусских имен и прозвищ с суффиксами *-the*, *-te*, вроде *Atinate* «Атинец» от названия города Атины, *Cafate* < **Capuate* «Капуанец», *Manθvate* «Мантуанец» (от этого когномена в Клузии образуются женские варианты *Manθvatnei*, *Manθatnei*), *Nulaθe* «Ноланец», *Rumaθe* «Римлянин» и т.д. Элемент *-si(e)* в этрусских именах вроде *Acsi*, *Caprasi*, *Lauχusie(s)*, *Numisiie(s)*, *Turpsi*, *Upelsi*, *Urnasi* рассматривается этрускологами как продолжение италийского суффикса, *-(V)sio-*, лат. *-(V)rius* (ср. *Abellasius*, *Agrasius*, *Novasius*, *Caluisius*, *Apisius* и др.; лат. *Paperius*, *Valerius*, *Veturius*). А исходы имен вроде *Calisna*, *Velavesna*, *Papsina*, *Petsna*, особенно *Acumsna*, *Percumsna*, *Ratumsna*, *Ucumsna*, *Uxumsna* истолковываются в смысле включения заимствованного форманта в суффиксальные цепочки *-sie-na*, *-(u)me-sie-na* вместе с элементами чисто этрусского генезиса. В отношении судеб суффикса *-sie* в Этрурии очень интересен титул *seχase* (с производной собирательной формой *seχasieθur*), образованный при его помощи от этрусского наречия или послелога *seχa* со значением «впереди» или «выше ч.-л.», а вторично «ради кого-л.». Следует также учесть формы *savlasie/ savlasieis* и *lunasie* в тексте на Капуанской черепице – очевидные заимствования италийских лексем, идентичных лат. *solarius* «солнечный» и *lunarius* «лунный».

Приметами италийских проникновений считаются исходы антропонимов на *-ie-* < итал. *-io-* (*Apie* = лат. *Appius*, *Clavtie* = лат. *Claudius*, *Marie* = лат. *Marius*, *Θefarie* < **Θifarie* = лат. *Tiberius*, *Spurie* = лат. *Spurius* и т.д.) и на *-se* < итал. *-(i)kos* (*Afrce* = лат. *Africanus*, *Rustice* = лат. *Rusticus*, *Sapice* и т.д.). Исключительно ранний пример восприятия этрусками итализма с суффиксом *-ikos* дает когномен из архаического Клузия (VII в. до н.э., надпись Cl 2.3) *Tursikina*. Он образован от прозвания этрусков в Италии, **Turs-iko-*, лат.

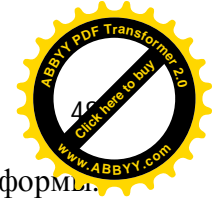
Tusci, которое, в свою очередь, представляет не что иное, как расширенное специфическое италийской морфемой древнее имя тирренских племен (егип. Twrwš3, Twrjš3). Таким образом, имя этруска Tursikina с конечным суффиксом -на выглядит как бы результатом двукратной адаптации старинной основы – сперва в контексте италийском, а потом уже возникшего италицизма – в ономастике самой Этрурии.

Из-за фактов такого рода этруская словообразовательная система по праву носит наименование «этруско-италийской». Надо отметить, что по меркам нашей нынешней информированности эта система изобилует раритетами, иногда затруднительными для истолкования. Сложно что-либо сказать об исходе, оформляющем в надписи AT 1.1 целую цепочку титулов ...eisnev-c eprθnev-c macstrev-c tenu, где eisnev соотносится с aisna (eisna) «жертвоприношение», eprθnev с клузинским титулом purθne (Cl I.913), а macstrev, конечно же, - с лат. magister «начальник». Также необъясним ауслат формы eterau (от названия особого социального статуса etera, который, скорее всего, охватывал приемных членов рода или общины) в титулах магистратов zilaθ eterav, camθi eterau (Ta I.96; I.115; AT I.105). Не менее эксклюзивно соотношение форм lautn(e) «семья»: lautni «зависимый человек, familiaris», «отпущенник»: lautniθa «отпущенница» (иногда тот же «фемининный» суффикс -θa допускают в старинном этруском женском имени Ramaθa, Rumiθa, новоэтр. Ramθa). Редкую модель этрусских адъективов на -ia, -ea дают нам gasnea «государственный» или «этрускый» от gasna «государство, этруское сообщество» и tularia «порубежный» от tular «рубежи» (в составе прозвания бога Сельванса как Selvansl Tularias «Сельванса-Порубежного»).

Редкостные известные примеры этрусских сложных слов, за исключением женского личного имени Θanaχvil<*Θana-αχvil «дар для (или «от») богини Таны», при рассмотрении оказываются слившимися словосочетаниями: huθzars «14-ти» < huθis saris, tinscvil «жертва»<*tinas αχvil «дар для Тина», lautneteri «зависимый член семьи»<*lautni eteri. Неясно – слившееся или свободное словосочетание налицо в этр. θevru()mines (Fa S.2), передающем греч. Μινώταυρος «Минотавр».

Особняком стоят единичные примеры т.н. этрусской конверсии – когда косвенный падеж некоего имени осмысляется как номинатив иного имени, семантически производного от первого, и кладется в основание новой парадигмы склонения. К таким случаям относятся:

- 1) Unial «храм (богини) Уни», собственно, генетив II склонения от теонима Uni; засвидетельствован в локативных формах uniaθi (Cr 4.2), unialθ, unialθi (TC 13), unialti (Ll XII,10), означающих «в храме Уни»; в первом случае название храма, присоединяющее к себе частицу локатива, представляет архаическую (без -l), а во

втором случае – более новую (с -l) реализацию одной и той же генетивной формы. Очень интересно то обстоятельство, что в конструкции из «Книги Мумии» XII,10 $\theta\text{unem cial}\chi\text{u}\acute{s} \text{ masn unialti ursmnal}$ «29-е приношение(?) в храм Уни Урсумны», эпитет *Ursmnal* согласуется в падеже с базисным генетивом теонима *Unial*, как если бы никакая конверсия не породила нового слова с его собственным склонением;

- 2) Возможно, *clanti* «приемный сын»(?), изначально локатив от *clan* «сын». Этот случай более сомнителен и признание его зависит от дискуссионной интерпретации нескольких надписей. Таковы *Vt I.153 a.tite a. cale clanti arunas*... «Авл Тите Кале, сын Авла, приемный сын (?) Апуны...»; *Cl I.878 Iθ tlesna Iθ clanti trepuis* «Ларт Тлесна, приемный сын(?) Ларта, (происхождением) из Трепу (аблатив); *Cl I.1889 Iarθ latini clanti latinial Iarθal scires clan* «Ларт Латини; приемный сын(?) женщины из рода Латини, Ларта Скире сын»; *AT I.22 vipinanas vel clante ultnas Iarθal clan* «...Вел Випинана, приемыш, Ларта Ултны сын...»

Неясно, следует ли видеть примеры конверсии аблатива на *-al(a)s* в таких формах, как *rapals* «дедов внук», множ. число *rapalser* (ср. вариант *rapacs*), *tetals* «бабкин внук», *truials* «троянец», производных от *rara* «дед (по отцу?)», *teta* «бабка (по отцу?)», *Truia* «Троя».

Если же говорить о глагольной суффиксации в этрусском, единственным элементом, который в этой области неоспоримо следует отнести к словообразованию, является суффикс *-ni*. Посредством его от названия должности *zilac-* (*zilc*, *zilχ*) образуется предикативная форма *zilaxni* «исполнял (-вший) обязанности цилка», которая далее может быть расширена показателем активного претерита *-se* (*zilaxnuse*, вар. *zilaxnse*). Похоже, что собственно словообразовательным элементом в составе этого суффикса, превращающим именную основу в глагольную, является формант *-n-*, за которым следует этрусский показатель медиальных и пассивных предикативов *-u*, рассмотренный в 5.2.2.

5.3. Синтаксис.

5.3.1. Синтаксис простого предложения.

В аспекте выражения субъект-объектных отношений этрусский язык является языком номинативного строя. Об этом свидетельствуют: одинаковое оформление подлежащего при переходных и непереходных глаголах – виде номинатива с нулевым окончанием (ср. *Vs 3.4 Iarθ paithunas prezu turuse* «Ларт Пайтуна *prezu* посвятил» и *AT 1.107 Iarθ aleθnas...avil 60 Iuruse* «Ларт Алетна...60-ти лет умер»); наличие особой формы аккузатива – падежа прямого объекта (пока что засвидетельствована только у местоимений); глагольные

форманты, способные выражать пассивный залог – это окончания претерита на -хе и предикативов на -и, -си, а также корневое расширение (или суффикс) -(i)n-

Однако следует иметь в виду, что – пожалуй, за исключением предикативов на -си, -ци, -ку, таких как *aliqu* «принесен», *zinaku* «изготовлен», образуемых от форм активного претерита II на -се и имеющих семантику однозначно пассивную – те же самые глагольные форманты способны выполнять функцию, сходную с функцией индоевропейского медия: см. *cesu* «лежит», «положен», *seḡine* «встал,-о» (о солнце), «поставлен,-о» (о погребении), *farθnaхе* «родился». В качестве показателей пассива они идентифицируются только в окружении определенной падежной рамки, которая вместе с ними образует нормальную пассивную конструкцию этрусского предложения. В максимально развернутом варианте эта падежная рамка включает: номинатив как падеж пациенса, а также датив и генетив, между которыми распределяются глубинные падежные роли агенса и адресата (косвенного объекта). А вот как именно распределяются – об этом в этрускологии уже более 30 лет идет большой спор.

Этот спор связан с общей проблемой соотношения между дативом и генетивом в данном языке. Как уже говорилось (см. примеры в 5.2.2.), генетив в нем служит обычным выражением притяжательности в широком смысле – многообразных отношений между двумя существительными. Датив же в рамках активной конструкции предложения представляет обычный падеж адресата (косвенного объекта) при таких глаголах, как *mulvanice* (*mulvenese* и т.д.) «подарил», *alice* «принес»: например, Cr 3.15 *mini spuriaza (...)rnas mulvanice alsaianasi* «меня Спуриаца (...)рна подарил Алсаяне»; Ve 3.1 *mi atianaia aḡapri alice veneliṣi* «я, Атианая Ахапри, принес (-ла) Венелу». Но при этом датив отнюдь не является в этрусском языке единственным падежным выражением адресата. Похоже, что при активной конструкции предложения выбор падежа на эту роль зависит от глагола. Так, глагол *turuce* (*turice*, *turce*) «посвятил» требует в качестве косвенного дополнения исключительно генетива: ср. Та 3.6 *cn turce murila hercnas θuflθas cver* «это посвятил Мурила Херкна в дар (божеству) Туфлта»; Та 3.9 *ecn turce larθi leθanei selvansl* «это посвятила Ларти Летаней Сельвансу...». Кроме того, этрусскому знакома безглагольная (или эллиптическая) вотивная конструкция, где и агенс, и адресат одинаково выражаются формами генетива, различаясь местом в предложении: AS 4.2 *temreś alpan tinaś* «(от) Темре охотно (для) Тина». Интересно, что точно такая же падежная рамка с двумя генетивами – генетивом агенса на первой позиции и генетивом адресата на второй – воспроизводится в «аномальном» (очень редком) варианте пассивной конструкции с претеритом на -хе: Co 3.6 *veliaś fanacnal θuflθaś alpan menaхе cver seḡa* «от Велии Фанакней (божеству) Туфлта охотно вручено ради сына».

Вот это распределение функции адресата в этруском между генетивом и дативом стало предпосылкой полемики, развернувшейся с 1970-х после открытия нормальной активной конструкции в этом языке. Эта конструкция нечасто бывает представлена в обрисованном выше максимально развернутом варианте. Но еще реже она выступает в варианте минимальном, можно сказать – вырожденном – как сочетание подлежащего в номинативе с (медиа-)пассивной формой глагола (Pe 8.4...iχ са сеχа ziχuχe «как то выше написано»). В последнем случае отличие пассивного построения от медиального может быть установлено лишь по смыслу. Наиболее же частое воплощение этой конструкции включает падежную рамку из двух актантов – пациенса в номинативе и второго актанта, выраженного дативом.

Так вот, большой спор между этрускологами сперва возник о природе этого второго актанта, - о том, каким образом этот датив – неперемный компонент нормальной пассивной конструкции - соотносится с номинативом агенса и дативом адресата, появляющимися при активных глагольных формах вроде *mulvanice*, *alice*. В филологическом измерении вопрос стоит так: как надо понимать надписи типа Fs 6.1 *mi zinaku larθuzale kuleniiesi*; Cr 3.7 *mi spurieisi teiθurnasi aliqu*; AT 3.1 *mi mulu kaviiesi*; AN 3.4 *mi titasi cver menaχe*; Fa 6.3 *mi araθiale ziχuχe?* Часть этрускологов (К.де Симоне, М.Кристофани) полагают, что датив в этих случаях сохраняет то же базисное значение, которое ему свойственно при глаголах в активном залоге – значение адресата, - и что агенс во всех таких контекстах никак не представлен. Стало быть, процитированные надписи надо бы переводить Fs 6.1 «я изготовлен для Лартуца Куление»; Cr 3.7 «я принесен Спурию Тейтурне»; AT 3.1 «я подарен Кавию»; AN 3.4 «я вручен как дар Тите»; Fa 6.3 «я написан для Ара(н)та». По мнению же других ученых (М.Паллоттино, Дж.Колонна) датив в таких условиях получает специальную функцию агенса. И, соответственно, переводить эти надписи следует так: Fs 6.1 «я изготовлен Лартуцем Куление»; Cr 3.7 «я принесен Спурием Тейтурной»; AT 3.1 «я подарен Кавием»; AN 3.4 «я вручен как дар Титой»; Fa 6.3 «я написан Ара(н)том».

Позже предметом обсуждения становятся такие случаи максимально развернутой нормальной пассивной конструкции, где появляется третий – выражаемый генетивом – актант. Таковы эпитафия Vc 1.8 *esa šuθi-c velus ezpus clensi cerine* и найденная в 1990-х южноэтрусская надпись на фибуле VI в.до н.э. *mi mulu araθiale θanaχvilus prasanaia*. Как их переводить? Этрускологи, стоящие на первой из рассмотренных точек зрения, принимают третий актант за агенс. Такое решение влечет за собою переводы «Это (урна) и погребение воздвигнуты Велом Эцпу для сына», «я подарен Ара(н)ту от Танахвили Прасанаи». Сторонники же второй трактовки полагают, что генетив здесь – падеж

адресата и переводить надлежит в первом случае «это и погребение воздвигнуты Велу Эцпу сыном», а во втором – «я Ара(н)том подарен Танахвили Прасанаи».

В настоящее время можно привести существенные, хотя и не прямые доводы в пользу версии Паллоттино-Колонны. Во-первых, это построение надписи Cr 5.2 ...*ara-s ati-s...θui cesu clavtieθurasi*. Как показал Паллоттино, она осмысливается естественнее всего, если видеть в *clavtieθurasi* датив агенса – и допустить, что в такой падежной рамке многократно встречающаяся по надписям медиальная форма предикатива *cesu* «лежит, покоится» обретает пассивное значение «положен, -ы»...и отец, и мать... тут положены – членами рода Клавтие». А во-вторых, сопоставление этрусских фактов с родственным ретийским языковым материалом обнаруживает среди последнего вотивы вида *laspasi eluku pitamnu[ale]* «пожертвовано Ласпой, сыном Питаме» и *feluriesi felvinuele [uφi]ku* «принесено Фелурием, сыном фелви». В этих ретийских микроконтекстах падежная форма с окончаниями *-si, -ale*, генетически тождественная этрусскому дативу, выражает агенс при пассиве на *-ku*, оформленном аналогично этрусским пассивным предикативам *aliqu, zinaku* (см. статью «Ретийский язык»). Все эти данные также подсказывают идентификацию этрусского датива как компонента нормальной пассивной конструкции – с агенсом, а генетива в том же окружении – с адресатом.

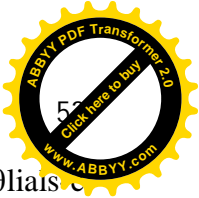
Оформление этой конструкции противоречит гипотезам, трактовавшим датив на *-si/-ale* в этрусском языке исторического времени в качестве то ли просто «эмфатического» варианта к генетиву на *-s/-al* (Пффифиг), то ли «пертинентива» с неопределенной семантикой, уточняемой из экстралингвистического житейского контекста (Рикс). Однако, для двух падежей, способных выступать в этрусском падежами косвенного объекта, впрямь не исключено преисторическое, - состоявшееся на достаточно раннем этапе существования тирренской языковой общности – развитие из пратирренского общекосвенного падежа, формально идентичного позднему генетиву, а функции разделившего между падежами-дериватами.⁴³ Подобная гипотеза разъясняет как синтаксические архаизмы не только явление аномальной пассивной конструкции в этрусском (с двумя генетивами), но и уникальный случай синтагматической нейтрализации генетива и датива, обнаруживаемый в перузинской надписи Pe 5.2. Эта

⁴³ Приверженцы идеи «агглютинативного» характера этрусского языка находят возможным трактовать его датив на *-si* как изначальный «локатив от генетива на *-s*». После открытия Большой Кортонской надписи с ее конструкцией ...*zilci larθal cusuθ...* «в цикл (правление) Ларта Кусу» они рассматривают конструкцию из надписи Та 5.4. ...*zilci velusi hulχniesi...* «при Веле Хулχние на цикле» как пример в свою пользу: якобы, здесь локативный формант *-i* слова *zilc-i* воспроизводится в порядке согласования при определяющих это слово генетивах *Velus-i Hulχnies-i* – и так на глазах из генетива возникает датив. По поводу этой гипотезы можно сказать одно: в распоряжении ее сторонников слишком мало фактов, а отстаиваемая ими трактовка тех, что имеются, практически никогда не выглядит необходимой.

нейтрализация проявляется так, что в цепочке имен – однородных членов предложения последние, подытоживающие ее словоформы с указанием на фамильную принадлежность и сыновство субъектов, ставятся в синтаксически требуемом дативе, а предшествующие им личные имена оформляются генетивом: ...caresri aules larθial presuθuraši larθialisvle cestnal clenaraši... «...надлежит (-ало) воздвигнуть Авлу (и) Ларту (ген.) – членам рода Преку (дат.), Лартовым (дат.) (и) Кестнаи сыновьям (дат.)». Здесь впрямь можно видеть реликтовое использование генетива в функции древнего общекошвенного падежа. Тем не менее нормальная этрусская пассивная конструкция четко противопоставляет при помощи двух форм, возникших через дифференциацию падежа-источника, два различных глубинно-синтаксических актанта – агенса и адресата. А ретийские факты указывают на то, что подобное противопоставление может быть реконструировано уже и для поздней стадии существования общетирренского языка (см. статьи «Ретийский язык», «Тирренские языки»).

Говоря о синтаксисе падежей в этрусском, нельзя пройти мимо особенностей употребления аблатива. Он был впервые открыт благодаря серии надписей из Вульчи с глаголом *farθnaxhe* «родился», где при этом глаголе регулярно ставятся в аблативе имена обоих родителей усопшего Vc 1.64 *larθ tutes anc farθnaxhe velius tuteis θanxvluis-c turialis-c* «Ларт Туте, который родился от Вела Туте и от Танхвил Тури»; Vc 1.92 A) *θanxvil tarnai an farθnaxhe marces tarnes ramθes-c xaireals*; B) *larθ tetnies an farθnaxhe arnθeals tetnis ramθes-c visn(ai) als* «A) Танхвил Тарнаи, которая родилась от Марка (Marces >*Marceis) Тарны и от Рамты Хайри; B) Ларт Тетние, который родился от Арнта Тетние и от Рамты Виснаи»; Vc 1.93 *tute larθ anc farθnaxhe tute arnθals haθlials ravnθu* «Ларт Туте, который родился от Туте Арнта и от Равунту Хатли». Давая переводы этих надписей, следует оговориться, что до сих пор остается неразрешен вопрос, каким образом следует понимать представленную в них конструкцию – то ли в качестве пассивной с аблативом как вариантом падежа агенса («Танхвил Тарнаи, которая рождена Марком Тарной и Рамтой Хайри»), то ли на правах медиальной, где функция аблатива – чисто партитивная, вытекающая из специфической семантики глагола «рождаться». Последнее понимание нам представляется более достоверным, оно согласуется с той огромной ролью, которую играет падежная рамка в пассивной или медиальной конкретизации семантики этрусских медиопассивных форм. Совершенно непонятным остается тот момент в надписи Vc 1.93, когда слова, синтаксически требующие аблативного оформления и даже выступающие однородными членами в парах со словоформами в этом падеже, сами тем не менее проявляются то ли в

номинативе, то ли просто в виде неоформленной чистой основы:... tute arnθals haθliais ravnθu «...от Арнта (абл.) Туте (ном.) и от Равунту (ном.) Хатли (абл.)».⁴⁴

На сегодняшний день можно указать еще несколько этрусских синтаксических построений с использованием аблатива – падежа не слишком частотного. Например, C1. 1.878 lθ tlesna lθ clanti trepuís «Ларт Глесна, Ларта приемный сын (?), из (рода) Трепу». Также Та 1.185, где про некую Рамту Апатру сказано, что она стала ati пасна, то есть «бабкою» через мужчин из родов Апатру, Пепна и Хуцкна и через женщину из рода Велцна (с которыми, видимо, дети Рамты вступали в брак), причем родовые имена этих людей стоят в аблативе:...apatruis pepnes-c huzcnes-c velznals-[c ati n]асна.

Переходя к порядку слов в этрусском надо сказать, что в данном отношении этот язык характеризуется определенной допускаемой свободой, однако же при наличии очевидных и жестко проводимых предпочтений. Так, анализ активных претериальных предложений с единственным объектом (прямым или косвенным) по корпусу Рикса, проделанный в 1990-х Б.Шульце-Тулин, выявил в данной подсистеме этрусского синтаксиса наличие двух резко различающихся стратегий. Из них та или другая выбирается языком в зависимости от того, имеется ли в предложении объект, выраженный самостоятельным местоимением, или нет. Если такого объекта нет, то абсолютно преобладает порядок SOV (типа Cr 5.21 laris avle...cn súθi cerinxunce «Ларт (и) Авл это погребение воздвигли»); по Шульце-Тулин, на этот вариант 22 примера, около 70% всех случаев с единственным неместоименным объектом. На его фоне редок порядок SVO (AS 3.3 larce lecni turce flereís «Ларк Лекни посвятил изображение бога – 6 примеров), уникален OVS (Та 3.4 turns turce ramθa venatrei «(богине) Туран посвятила Рамта Венатреи»). Когда же в предложении налицо местоименный объект, тогда норма изменяется радикально. Почти исключенный в предыдущем варианте тип OVS (вроде OB 3.1 mini mulucne velθur rapliana «меня подарил Велтур Паплиана) становится доминантным, достигая 80% случаев (35 примеров). Нечаст тип OSV (Cr 3.1 mini ušile muluvanie «меня Усиле подарил» - таких случаев 6). Главенствующий при объекте именном вариант SOV теперь представлен двумя-тремя случаями. Один из них – преинтересный контекст Fe 6.1 ana mini zineke remiru «кто меня изготовил – Ремиру», где местоимениями выражены одинаково и субъект и объект. Но поскольку местоимения в роли субъекта всегда располагаются на первом месте в предложении (Та 1.17 ...an cn zix neθśrac acase... «кто эту книгу гадательную создавал»;

⁴⁴ Некоторые авторы объединяют этот случай с только что рассмотренной нейтрализацией генетива и датива как будто бы однородные явления «групповой флексии» (Gruppenflexion). На наш взгляд, эти факты по характеру слишком различны, и отношения между падежами, возникшими из «тирренского общекосвенного» ничего не объясняют в казусе «неоформленного аблатива».

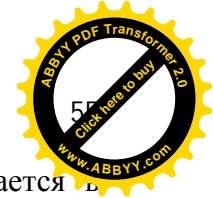

Та 1.153 ...sa-m šuθi cerixunse «...он же и погребение поставил», Cr 1.20 mi aranθ ramuθa... veštiricina muluvanice «я Арант Рамуте Вестирикинала подарил»), то можно заключить, что порядок слов при активной переходной конструкции предложения в основном определяется двумя тенденциями: к помещению объекта (прямого или косвенного) перед глаголом (до 90% случаев) и к выдвиганию самостоятельных местоимений в начало.⁴⁵

Что же касается линейного соотношения определяемого и определения, то из этрусских памятников можно почерпнуть множество примеров, главным образом, с определяемым в препозиции. Причем определение может быть выражено как прилагательным, так и существительным в генетиве. Таковы 1) aška eleivana «вместилище оливковое» (для оливкового масла), cletram šrenxve «в носилках изукрашенных» («Книга Мумии»), avil θesnxva «годы заревые», zilc marunuxva «(должность) *цилк маронский*», zilaθ maruxva, но также и maruxva zilaθ «исполнитель *цилка маронского*»; tesne rašne «по закону этрусскому» или «государственному» (сев.), кроме того см. теонимы с эпитетами Lasa Racuneta, Selvansl Enizpetla, Selvansl Smucinθiunaitula, Marišl Menitla; 2) ati Cravzaθuras «мать уроженцев рода Кравца», maγi paθaθuras caθs-c «марон Вакховой коллегии и Солнца», tesinθ tamiaθuras «распорядитель (?) храмовой общины», tular gasnal «границы государства (этрuscoго сообщества)», tular spurāl «границы города», θaura Velθinaθuras «гробница рода Велтина». На стыке этих двух групп определительных синтагм находятся такие, где определение выражено членной, то есть склоняемой формой имени в генетиве: θaure lautnescle «в гробнице семейной», tlexe Hanipaluscle «в войну(?) Ганнибалову».

Но в то же время, такие популярнейшие термины родства как clan «сын», sex «дочь», nefts «внук» или «племянник» устойчиво ставятся *после* генетивных и членных определений. Нормален порядок слов Velus clan «Вела сын», Larθal sex «Ларта дочь», Larθiališvle clenarasi «Лартовым сыновьям» и т.д. Обратный порядок стилистически маркирован, эмфатичен, хотя для разных определяемых – в разной степени. Например, на 140 упоминаний слова sex (sec) «дочь» с именами родителей в генетиве по корпусу Рикса, в 135 случаях эти определения предшествуют определяемому в двух (Та 1.185, 252) sex риторически вставляется между именами отца и матери, и лишь в трех (2% от общего

⁴⁵ Надо сказать, что выкладки Шульце-Тулин могут быть по мелочам дополнены и уточнены. Так, при объекте неместоименном, наряду с редчайшим примером словопорядка OVS, можно указать на не учтенный исследовательницей и не менее раритетный случай последовательности OSV: AS 1.313 Larθia šrutznei patisulpuia; θaura clanline «Лартия Срутцнеи Натиса жена; гробницу сын сотворил». Надпись AN 3.3 tite cale atial turce malstrieveγ, трактуемая Шульце-Тулин как один из случаев OVS («Тите Кале... посвятил зеркало в дар») на самом деле должна быть отнесена к конструкциям с двумя объектами: здесь atial - не имя матери посвятителю, а требуемый глаголом turce падеж косвенного объекта: «Тите Кале Матери (скорее всего – женскому божеству) посвятил в дар». В целом же статистика Шульце-Тулин дает вполне достоверную картину приоритетов этрусского синтаксиса в данном плане.

числа) имя единственного упоминаемого родителя, отца или матери, размещается в постпозиции (Та 1.169, Ре 1.21, 1.1101). Существенно иную картину наблюдаем для слова *ruia* «жена». На 72 упоминания с именем мужа в генетиве, в 49 случаях *ruia* имеет это определение перед собою, в 21 – позади себя, и в двух (Vc II,59, C1 1.1178) вставляется между его компонентами (Vc 1.59 ...p[ru]clnas *ruia velus* «Пруклены жена – Вела»). Таким образом, число надписей, уклоняющихся от преобладающего словопорядка «имя мужа в генетиве + определяемое *ruia*», переворачивающих этот порядок, достигает 30%. Это дает для них намного меньшую маркированность, чем для эмфатических аномалий со словом *sex*. Далее, если при титуле *zilaθ* эпитет *maruxva* может в надписях ставиться и перед, и после определяемого, то названию жреческой должности *seren* данный эпитет всегда предшествует, как и прилагательное *spurana* «городской». Определение *huslna* при *vinum* «вино» в ритуальных текстах «Книги Мумии» может появляться и перед и после названия жертвенного напитка (ср. III,4 *vinum huslna*, но VIII,5 *mulax huslna vinum*).

Итак, тенденция к постпозиции определений сосуществует, с одной стороны, с допустимостью стилевых, эмфатических и т.п. отклонений, а с другой стороны – со специфическими контекстными правилами и предпочтениями, устанавливаемыми для конкретных популярных слов (здесь можно усмотреть своеобразную экспансию принципа фuzии в область, пограничную между синтаксисом и семантикой).

Для этрусского восстанавливается набор частиц и союзов, участвующих в построении предложений.

При помощи энклитической частицы –с (...-с...-с) создаются группы однородных членов предложения без указания на какие-либо дополнительные отношения между ними (ср. уже приводившиеся в данном разделе словосочетания *esa šuθi-c* «это и погребение», *ara-c ati-c* «и отец, и мать», *anc farθnaxe Marces Tarnes Ramθes-c Xaireals* «которая родилась от Марка Тарны и от Рамты Хайри», *maru raxaθuras Caθs-c* «марон Вакховой коллегии и Солнца», также см. Cr 1.58 *arnθ maclas ruia-c* «Арнт Макла и жена»). Напротив, синтагмы, связуемые посредством частицы –m (-um), одновременно ставятся в отношение контраста, противопоставляющего друг другу отношения внутри этих синтагм: Vs 1.178 *vel leinies larθial ruva arnθial-um clan velus-um prumaθś* «...Вел Лейние, Ларта брат, Арнта же – сын, а Вела – правнук», Та 1.169 *ramθa matulnei sex marces matuln(as) ruia-m amce šeθres ceis(in)ies* «Рамта Матулней, дочерью Марка Матулны⁴⁶, женою же была Сетре Кейсиние...»; Vs 1.179 ...*marn[ux] spurana eprθnev-c tenve mexl-um rasneas clevsinsl*

⁴⁶ Порядок слов с постановкою имени отца после имени дочери – высоко маркирован, потому предпочтительнее был бы русский перевод с такой же эмфазой: «...Марка Матулны дочерью была».

zilaxnve «...маронствующего городского и эпртнева обязанности выполнял, НЗД государством же клузинским (??) цилатом был...».

Из этрусских союзов можно назвать:

- нас «вот так»: Cr 4.4 ...нас si avil tešameitale «...и вот три года повелению тому...»; Cr 4.5 нас θefarie veliunas θamuse... «вот так построил (или «распорядился») Тефарие Велиана...»;

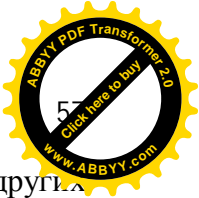
- etnam «так же», etnam...ix...«так же...как»: LL VI,12-13 ...etnam eisna ix fleres crapsti θunśna «...так(ое) же жертвоприношение, как (у) изображения бога Крапсти первое...», XII,9...etnam eisna ix matam...«такое же жертвоприношение, как прежде...»; XI,7...θunem cialxu [ś e]tnam ix eslem cialxus... «29-го, так же, как 28-го...»; сюда же многочисленные в «Книге Мумии» повторы etnam...etnam...«также (и)...также (и)...», относящиеся к обстоятельствам и аксессуарам совершения ритуала, которые, к сожалению, не поддаются достоверному восстановлению.⁴⁷

- itanim...eniaca... «так(овы) же...как...»: Cr 4.4...itanim heramve avil eniaca pulumхва «и таковы же (т.е. «столь же многочисленны») статуе годы (да будут) как у звезд (или «как звезды»).

Позволительно думать, что репертуар этрусских частиц и союзов известен очень неполно, тем более, что некоторые из них могли быть достоянием отдельных диалектов. Такова, например, частица ia в тексте Капуанской черепицы, которая ставится между определяемым и определением – выступает ли последнее в форме членного прилагательного или генетива существительного: TC 12-13... vacil ia leθamsul nunθeri vacil ia riθnaita «...приношение для (бога) Летамса, надлежит совершить приношение ia riθnaita...».

Проблему выражения отрицания в этрусском языке поставил в 1980-х Л.Агостиньяни. Анализируя серию архаических надписей, содержащих формулу minipi (minpi, mīpi) cari, которая обычно понимается в смысле формулы обладания «для меня чаша» - Агостиньяни отметил, что в ряд епримеров частью таких надписей является утверждение от лица чаши насчет ее принадлежности: Cm 2.13 mi xulixna cupes alθrnas ei minipi cari «я – килик Купе Алтерны...»; Cm 2.46 cupes fuluśla θevrucnas mi ei minpi cari «Купе Фулусы Тевруклены я...»; Vc 2.3 ei mīpi kari mi punar avequs mi«...я – punar (вид изделий или собственности); я – (достояние) Авеку». Считая маловероятной смену референта у местоимения mi «я» на протяжении одной и той же надписи, Агостиньяни обратил внимание на постоянно

⁴⁷ Однако правдоподобно понимание выражения hamfeti etnam laeti (LL VI.5 в смысле «справа, также и слева».

предшествующую обороту *mini pi cari* частицу с неясной семантикой *ei*, *en*⁴⁸, в других памятниках выступающую также в варианте *ein*. Он предложил толковать эту частицу как показатель отрицания, а выражение *ei (en) mini pi (mi[n]pi) cari* понимать как запретительную надпись со значением «Не прикасайся ко мне!». Впрочем, учитывая, что в новоэтрусскую эпоху для *cari* хорошо засвидетельствовано значение «погребальная урна» (Vt 1.116, 1.117), которое могло развиться из древнего «чаша» (лат. *capis*, *capula*), - старое понимание *mini pi cari* в смысле «для меня чаша» нельзя однозначно считать ошибочным. Латинская эпиграфика, наряду с обращением вещи к ее законному хозяину *Tua sum* «Я – твоя», знает также вариант *Tua non sum* «Я- не твоя», адресованный владельцу незаконному, похитителю. Этрусская формула *ei/en/ein mini pi cari* в сочетании с точным указанием владельца могла бы представлять своего рода «метавысказывание», отрицающее за любым другим лицом право применять формулу обладания к себе: См 2.13 «я – килик Купе Алтерны, (а) не «для-меня-чаша»; См 2.46 «Купе Фулусы Тевкрулены я, (а) не «для-меня-чаша»; Vc 2.3 «не «для-меня-чаша» я, *nunar* Авеку я».

Во всяком случае, гипотеза, трактующая частицу *ei(n)/en* как показатель отрицания, похоже, открывает новые возможности анализа некоторых этрусских контекстов. Например, надписи Та 8.3 *ei mux ara an ei sehasgi*, где распознается двухчастное построение типа афоризма («не делает..., кто не расположен (не предназначен...»). А особенно пассажира из многократно цитированной нами надписи Ре 5.2, в котором мог бы проступать хорошо известный античности запрет посторонним располагать свои урны и т.п. в чужих усыпальницах: *...eθ fanu lautn precus ipa murzua cerur-um ein heczri* «это – святилище семейное Преку, где урны,...дескать (-um), не следует помещать!». ⁴⁹ Версия Агостиньяни, несомненно, является сильной рабочей гипотезой и в таком качестве фигурирует в современной этрускологии.

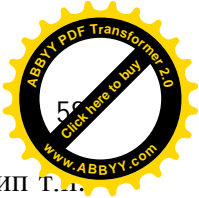
5.3.3. Синтаксис сложного предложения.

Как известно, лишь немногие сколько-нибудь значительные по величине отрезки этрусских текстов поддаются истолкованию. Во многом именно этим обстоятельством мотивирована крайняя скудость данных по синтаксису сложного предложения в этом языке.

Надпись АТ 1.109 с ее оборотом *...clensi mule svalasi zilaxnuce* «...был цилатом, когда сын проживал в т.» - видимо, сопоставляющим возрасты отца, сделавшего успешную карьеру,

⁴⁸ Ср. Vc 3.13 [*mini muluva*] *nice venali ašlapinaš en mipi cari*.

⁴⁹ Другая возможность – что Авл и Ларт Преку воздвигли внутри комплекса семейной гробницы некое сакральное сооружение, которое не следовало загромождать урнами и т.п.

и сына – показывает, что этрусскому, как греческому и латыни, мог быть знаком тип т.д. абсолютного падежного оборота из имени и причастия, стоящих в косвенном падеже. Такие обороты несут указание на некое действие или состояние, соотносимое с действием или состоянием основного предложения, но предцизируемое другому субъекту. В приведенном контексте *svalasi* представляет падежную форму датива от *svalas* «живущий» - может быть, из **svalas(a)-si* (к сожалению, о склонении причастий на -as пока что приходится строить догадки).

Помимо местоимения *an* (*ana*, *anc*) «который», вводящего определительные придаточные предложения (и может быть, тарквинийского *sa* в той же роли), выделяются еще несколько союзов, присоединяющих к главному предложению иные виды придаточных. Это:

- *ixnac* «как»: *Vt S.2 ita sren tva ixnac hercle unial clan θrasce* «этот рисунок показывает, как Херкле стал сыном Уни»;
- *enac* «как только, когда» *LL VII,12 ..enac usil cerine...* «...когда солнце взошло»;
- *ipa* «где»: *Pe 8.4 ...tesns teis rašnes ipa ama hen XII naper velθinaθuraś araś* «...по закону тому этрусскому (или – «государственному»), тут, где пребывают 12(мер) земли (???) рода Велтина...»; *Pe 5.2 ...fanu lautn precus ipa murzua cerur-um ein heczri* «...святилище семейное Преку, - где урны..., дескать, не следует ставить».

Пассажи вроде *Ta 1.153 ...an vacl lavutn (...)e travzi sa-m šuθi cerixu-n(ce)* «...который приношение семейное [справ]ил, и оный же (-m) гробницу воздвиг» или только что несколько раз разбиравшееся по разным поводам место из *Pe 5.2*, где с помощью частицы *-(u)m* проводится контраст между сакральным статусом погребения Преку и помещением в нем неких (чужих?) урн, подтверждают, что данная контрастивная частица не только задействовалась при организации простого предложения, но, видимо, могла служить также и выстраиванию более крупных синтаксических (и риторических) единств, наподобие периодов.

5.4. Лексика, ее генетические и ареальные связи.

Основная масса этрусской лексики оригинальна и, можно думать, принадлежит к тирренскому словарному фонду (с этим связаны общеизвестные огромные затруднения в истолковании сколько-нибудь нестандартных этрусских контекстов). К сожалению, скудость ретийских и лемносских источников крайне ограничивает список лексических сопоставлений, выходящих на уровень пратирренской реконструкции (см. статью «Тирренские языки»). Очень важный случай из этого списка – пратир. **zina-* «ставить», развившее в ретийском значение «ставить богу, посвящать», а в этрусском – «изготавливать».

Предания о малоазийском происхождении этрусков, поддержанные находками памятников лемносского языка и некоторыми другими фактами (в частности, возможностью возведения знака 8 для фонемы [f] к сходной по начертанию и идентичной по функции лидийской букве) давно стимулируют поиск этрусско-анатолийских связей в области культурной лексики. Результаты этих поисков необильны, хотя и небезынтересны. Самый наглядный из них – уже отмеченное в 5.2.2. восхождение этр.**Tarhu*, греч. *Tárhoν*, имени героя-предка, мифического основателя италийской Этрурии (*rasn'ы*), к малоазийскому теониму *Tarḫu* (вар. *Tarḫunt*, *Tarḫuna*). Имена этрусских демонов входа *Culsan*, *Culsu* еще в 1920-х были сопоставлены Ф.Грозным с прозвищем группы малоазийских божеств, надзирающих за жизнью человека, - хетт. *Gulšeš*, палайск. *Gulzannikeš*. В связи с этим давним сближением внимание привлекает теоним *Silen*, занимающий на космической карте с ободка бронзовой печени из Пьяченцы то самое место, которое античный эрудит Марциан Капелла (трактат «О браке Меркурия с Филологией») в своем описании обиталищ богов, общепризнанно восходящем к этрусской традиции, отводит хозяину дверей – Янусу. Это обстоятельство позволяет соотнести этр. *Silen* с палайск. *Nilan-zira* «Дух Входа», именем бога, соседствующего за пиршественным столом с Гулцанниками в палайском ритуальном тексте «Формула хлебов». Этрусский титул *tamera* «служитель, предстоятель» удачно сравнивают с хетт.-лув. *dammara* «вид культовых служителей» (В.Георгиев). Другие параллели более проблематичны – вроде сопоставления этр. *si* «три» с хур. *kiḡ* то же, или попыток связать основу этр. *zilc* «высокая должность», *zilaθ* «исполнитель этой должности» с хат. *zilat* «престол» (Вяч.Вс.Иванов).

Из более широких и, может быть, более древних сходжений этрусского языка с языками переднеазиатского и кавказского пространства примечательны переключки этр. *zix* «надпись, книга» с груз. *siḡni* «книга» (Вяч.Вс.Иванов), а этр. *sar* «10», ген. *saris* с общесемитским названием «десятки» - аккад. *‘ešer*, др.-евр. *‘äšär*, араам. *‘āšar*, араб. *ašar*.

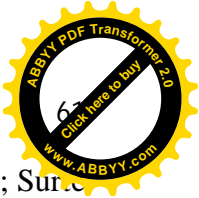
В качестве старых индоевропеизмов в этрусском принято расценивать *tin* «день» (при *tivr* «месяц, луна»), *Tin*, *Tinia* имя бога-громовержца < и.-е. **d(e)i-n* «день», др.-инд. *dīnam*, слав. **днь*, лит. *dienà* и др. При этом обычно недооценивают то момент, что в отличие от вариантов основы **dei-w-* (**dei-wo*, *dī-eu-*), несущих значения как «дня, света», «неба», так и «бога» вообще, а также «небесного бога – солнечного или грозового», основа **d(e)i-n-* в индоевропейских языках специализируется в семантике «дня как светлого времени суток», «отрезка времени». Развитие, подобное тому, что в этр. *Tin*, *Tinia*, по-видимому, было представлено лишь в одном, очень ограниченном регионе индоевропейского мира - а именно, на фракийском северо-востоке Балкан, участке Европы, выходящем к Северо-Западной Анатолии и к Эгеиде. В ономастике Фракии рефлексy основ **Dieu-* и **Din-*

одинаково используются в теонимическом качестве, а –din-, возможно, и в апеллативном со значением «день, свет»: ср. такие имена-композиции, как Dini-centus «Чад Дина», наряду с Dias-eentus «Чад Небесного Бога»; Dini-bales - предположительно «Свет Дина» (др.-инд. bhālam «блеск», греч. φάλος «светлый»); Διε-δινς figura etymologica с тем же значением «День (или Свет) Дина» при Dias-dinus, Zia-dinnius «День (или «Свет») Небесного Бога»; также топоним на границе Фракии и Македонии Διν-δρύμη «Дубовая роща Дина» (греч. δρυμός «дубовый лес»), откуда фрак. Ζινδρυμηνός – эпитет Зевса и богаконника Хэроса. Таким образом, если этр. Tin, Tinia как имя небесного бога, соотносимое с tin «день», представляет индоевропеизм, то это индоевропеизм с четкой региональной привязкой к ареалу, смежному с тем, откуда традиция выводили этрусков и где обнаруживаются поселения лемносских тирренов.

У греков этруски восприняли множество мифологических имен (примеры см. 5.1.1), а также ряд культурных терминов, особенно названий для сосудов и иных емкостей: греч. κλίχνη «чаша, миска» > этр. culixna, xulixna; греч. πρόχους «кружка», аккуз. πρόχουιν > этр. rrixum; греч. κόθων «фляга» > этр. qutun, qutum; греч. λήκυθος «флакон, сосуд-лекиф», аккуз. λήκυθον > этр. lextum; греч. ἀσκός «мех, бурдюк» > этр. aška «вместилище для жидкости» в словосочетании aška eleivana, где eleivana–прилагательное (тоже от греческого заимствования) *eleiva, греч. ἐλαία «олива», ἔλαιον «оливковое масло» (см.5.2.3.). Семантически привлекательно объяснение этр. hurnina «усыпальница» как образования от греч. ὕπνος «сон». Не менее соблазнительно, но весьма дискуссионно возведение этр. etera «приемный член рода», может быть также служащего названием особого слоя населения в этрусских городах (ср. титулы zileteraias, zilaθ eterav, camθi eterau), далее lautn eteri «зависимый член семейства, familiaris» к греко-макед. ἔταρος, ἐταῖρος «сотоварищ, сподвижник», «член свиты».

Италийское языковое окружение сказалось на этрусском словаре заимствованными, ритуальными терминами (этр. celati «в погребальной камере», где cela- < лат. cella; этр. carī, care «чаша, урна» ~ лат. caris, carula; этр. fanu «святилище» в надписях II в. до н.э. Та 5.6; Ре 5.2 < арх.-лат. *fano(m); лат. fanum «храм», ср. оск. FÍSNÚ то же, умбр. FESNAF-E «в храм»; этр. cletram «ритуальные носилки» < умбр. kletra; этр. vinum «вино» (возливаемое в обрядах из «Книги Мумии») < итал. *vinom; обозначениями некоторых видов родства (этр. nefts, neftís «внук» или «племянник» < итал. *nepōts, лат. nepos; этр. prumts «правнук» < итал. *pro-nepōts, лат. pronepos). У италийцев этруски почерпнули массу прозвищ, применяемых (иногда – и теми и другими) в качестве когноменов: Ceise ~ лат. caecus «слепой»; Cale (Клузий) < *Calve ~ лат. calvus «лысый»; Clause ~ лат. glaucus «синеглазый»; Clute ~ лат. claudus, clodus «хромой»; Crespe ~ лат. crispus «курчавый»; Lusce

~ лат. *luscus* «одноглазый»; *Macree* ~ лат. *macer* «худой»; *Palpe* ~ лат. *Valbus* «заика»; *Surd* ~ лат. *sordes* «грязь», *sordidus* «грязный»; *Sceva* ~ лат. *scaeva* «левша» и др. Можно думать, что подобные прозвания применялись этрусками с пониманием смысла – а это еще более расширяет для исследователя величину италийского компонента в этрусском лексиконе.

Этрусски могли воспринимать греческие и италийские слова в формах номинатива – как сигматического (*Θetis*, *Aivas*, *nefts*, *prumts*), так и асигматического (*Clutumusta*, *Kastur*; *culixna*) – или аккузатива (*pruxum*, *lextum*, *cletram*), он же номинатив имен среднего рода (*vinum*, *fanu*). Особые случаи – теонимы *Aita*, *Eita* «Аид», *Aritimi* «Артемида», заимствованные в виде чистых основ.

Воспринимаемые из других языков слова могут «подверстываться» под этрусские словообразовательные модели. Так, греческие аккузативы на *-v* (*πρόχουον*, *λήκυθον*), как и основа на *-v* слова *κόθων*, трансформируются в этрусские основы на *-um(V)*- (*pruxum*, *lextum*, *qutum*) типа тех, что налицо в этр. *meθlum(e)* «страна», *zaθrum(i)* «20» или *pulum(V?)* «звезда». Мифонимы *Ziumithe*, *Ziumite* < *Διομήδης*, *Palmithe* < *Παλαμήδης*, *Urusθε* < *Ὀρέστης* модифицируются под этрусские этникины на *-θε*, а *Arxaza* < *Ἀρκάδιος* под уменьшительные на *-za*. Имя греческой Ариадны *Ariaθα*, *Araθα* сближается с этрусскими «женскими» формами наподобие *Ram(v)θα* или *lautniθα*. Неизвестно, надо ли относить на счет позднего характера языка «Книги Мумии» то явление, что в ней италицизмы *cletram* и *vinum* выступают как несклоняемые формы, о синтаксической функции которых говорят лишь окончания относящихся к ним прилагательных: ср. 9 раз упоминаемое в «Книге Мумии» выражение *cletram šrenxve* «в разукрашенных/разрисованных носилках» (локатив 1), а также соотношение синтагм *vinum hušlna* (*hušlna vinum*) (LL III,4, VIII,5) и *hušlne vinum* (LL III,20, VIII,4), где в первых двух случаях *vinum* с определением *hušlna* стоит в номинативе или аккузативе, а в двух последних – в локативе 1.

Важной особенностью этрусских ономастических заимствований у соседей-индоевропейцев является постоянная передача индоевропейских тематических основ этрусскими основами на *-e*. Это равно относится к именам из греческого мифа и эпоса (*Ἀλέξανδρος* > *Elaxsntre*, *Μελέαγρος* > *Melacre*, *Ἴκαρος* > *Vikare* и т.д.), к италийским личным именам (*Titos* > *Tite*, *Marcos* > *Marce*, *Gnaivos* > *Snaive*), к прозвищам-когноменам (примеры см. абзацем выше), даже к кличкам рабов и отпущенников (*Atiuce* < лат. *Antios(h)us*, греч. *Ἀντίοχος*)⁵⁰

⁵⁰ Письменные памятники создают впечатление подгонки различных греческих именных основ в этрусских заимствованиях под тип основ на *-e*. Но если это, по-видимому, справедливо для исторических основ на *-es* (*Ἡράκλης* > *Hercle*, *Πολυδεύκης* > *Pultuce*), то с основами на *-eu-* (*Περσεύς* > *Perse*; *Ἀχιλλεύς* > *Axle*; *Ὀδυσσεύς* > *Utuse*; *Θησεύς* > *Θese*) дело могло обстоять иначе: передачи этрусских форм греческими буквами

С полным основанием предполагается, что за этой моделью изначально стоял принцип усвоения тематических имен в форме вокатива, по-видимому, восходящий еще ко времени тирренской языковой общности (см. статью «Тирренские языки»). Тиррены видели в вокативе базисную назывную форму имен заимствованных у определенного класса, которую они брали за основу их склонения, - и этруски и их потомки сохранили этот принцип до конца бытования своего языка.⁵¹ К сожалению, не хватает фактов, которые позволили бы с определенностью судить о том, ограничивалась ли данная модель заимствований только собственными именами или могла распространяться и на другие тематические основы, обозначающие людей и вообще одушевленные существа.⁵²

6. Сведения о диалектах.

По надписям прослеживаются фонетические, морфологические и лексические особенности, характерные для диалектов отдельных этруских городов и регионов.

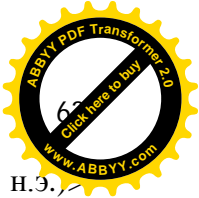
В плане фонетики таковы, например:

- переход -sl- > -zl- в Вольсиниях (теонимы *Selvansl*, *Neθunsl* > вольс. *Selvanzl*, *Neθunzl*);
- упрощение -lv- > -l- в Клузии и Кортоне (*Selvansl* > *Śelansl*; когномены *Salvi*, *Helve* > клуз. *Sali*, *Hele*);
- североэтрусское (в клузинской области) развитие [θ] > [p] и смешение спирантов [p] и [f], обнаруживаемое словоформами *Arnφ*, *Larφi*, *Φania*;
- клузинский и перузинский переход --p- > -f- перед -u-: клуз., перуз. *Cafate(ś)*, клуз. *Cafateś* < **Capuate* «капуанец», клуз, перуз. *Afuna* (родовое имя) при юж.-этр. *Aruna* (Тарквинии, Цере, на севере эта форма отмечена в Вольтерре), *Aruni(i)e* (Вульчи, Вей); однако Перузия знала также и вариант *Aruni*, -al-;
- встречное развитие в некоторых словах -f- > -p- перед плавными в новоэтрусский период: *θabvna*, *θafna* «чаша» (Цере, Вольсинии, район Вульчи – VI-Vвв. до н.э., Клузий – IVв. до н.э.) > *θарпа* [θabna] (Вульчи, Популония, Кортонна с IV-IIIвв. до н.э., кроме того

на этруских вазах Vв. до н.э. *Aχlεl*, *Πελεl* обнаруживают в исходах этих основ дифтонгоидный звук, - что, скорее, сближает их с этрускими именами, кончающимися на дифтонг, вроде когномена *Aneī* в Перузии.

⁵¹ Интересно, что личное имя *Cai*, соответствующее лат. *Gaius*, этруски усвоили в облике разительно совпадающем с формой латинского стяженного вокатива *Gai*. Вопрос о происхождении в латыни стяженного вокатива, типа *Tulli*, *Vergili* в языкознании остается неразрешен. Исследователи колеблются между зачислением его в поздние образования и готовностью усмотреть в нем преисторический реликт. Последняя версия могла бы объяснить происхождение «этрusco-италийской» модели когноменов на -*ni* <итал.-*nio(s)* см.5.2.3), связав ее с общей склонностью этрусков принимать вокатив за основную форму тематических собственных имен у индоевропейцев.

⁵² Соответствие лат. *Neptunus* : этр. *Neθuns* показывает, что заимствуемые теонимы могли не подчиняться этой модели, по крайней мере там, где влияние этруского типа божественных имен с -s - расширителем основ (особенно основ на носовой согласный) оказывалось сильнее.

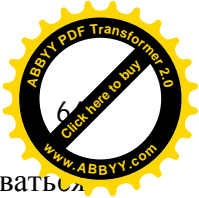

язык «Книги Мумии»); личное имя *Θefarie* (Цере V в. до н.э.), *Θefri* (Перузия II в. до н.э.), *Θεpῑ* [*θebri*] (новоэтр.Клузий, Перузия); пространственные рамки этого развития неясны. Неясно, говорит ли написание *-z* вместо конечного *-s* в некоторых областях этрусских севера и юга (см. 5.1.1.) об особенностях произношения спиранта в ауслауте. На уровне реконструкции остается предполагаемое Риксом для объяснения «северной» орфографии важнейшее размежевание этрусского диалектного пространства – переход общеэтрусских [*sp*], [*st*], [*sk*], [*sv*] в северные «шепелявые» [*šp*], [*št*], [*šk*], [*šv*], якобы изменивший относительную частотность спирантов в пользу шипящего. (см. 4.0). По логике этой гипотезы, редкие написания типа [*šp*] на севере, отражая звучание [*sp*], представляют имитации южного произношения. Статистика в общем согласуется с таким толкованием: например, из 26 передач этого корня на севере видим 6 случаев (23%) – со <*šp*>. Эта картина согласуется со степенью южного влияния на севере в целом, установленной по колебаниям в передачах словоформ со спирантами.

В подобласти морфонологии очень показательны диалектные расхождения между рефлексам гетива с «формантом десятков» *-alx-: -alxls* (*caelxls* «30-ти», *muvalxls* «50-ти» и т.д.) в Тарквиниях, *-alxals* (*cezpalxals* «80-ти») в Вольсиниях, но *-alxus* (*cealxus*, *-uś*, *-uz*) в «Книге Мумии», возможно, ориентированной в данном случае на северные диалекты. За этим расхождением стоят различные способы устранения этимологического спиранта **x*^v в данной основе (см. статью «Тирренские языки»).

В плане морфологическом крупнейшей диалектной особенностью, которую демонстрирует Этрурия, являются формы претерита I *tenve*, *zilaxnve* в Вольсиниях с прямым присоединением окончания *-e* <*-ai* к основе предикатива на *-u*, как в претерите II может присоединяться окончание *-ce* (*lupu-ce*, *zilaxnu-ce*, **tenu-ce*>*tence*). Неизвестно, имеем ли мы здесь вольсинийскую местную инновацию или сохранный в этом центре тирренский архаизм, который позволил бы объяснить генезис лемн. *amai* «был» <**amu-ai*, при этр. *ame*.

Иногда надписи обнаруживают по отдельным регионам специфическую лексику. Таково *leine* «умер» в Вольтерре, конкурирующее здесь с общеэтрусским *lupu* (но ср. имя демона смерти Лейнта в Клузии и Перузии), - или редкое местоимение *sa* в Тарквиниях. Однако судить о диалектной специфичности тех или иных лексем приходится с большой осторожностью. Новые находки могут быстро изменить картину. Например, в Большой Кортонской надписи в весьма темном контексте появляется словечко *śa*, которое формально вполне могло бы быть сопоставимо с тарквинийским местоимением *sa*.

Важная проблема – должны ли другие языки тирренской семьи рассматриваться именно как отдельные языки или в качестве своеобразных этрусских диалектов (что, в частности, К.де Симоне утверждает для лемносского).

В случае с ретийским ответ на этот вопрос определяется двумя моментами. Во-первых, образованием патронимов с суффиксом -ни, в женском варианте -на (Putamni «сын Питаме», Pitamna «дочь Питаме»), отдаленно сопоставимых с этрусскими гентилициями типа *Šeθrena*, букв. «потомок Сетре», - при полном отсутствии в ретийских памятниках даже намеков на такие этрусские явления как патронимы с членным оформлением -śa и показатель женского рода -i. Во-вторых, ретийским окончанием активного претерита -хе, дублирующим окончание -ke (*Piθale Lemais zinake* «Питале для Лемаи поставил», но *Reite Muiu zinaхе* «Рейте Мую поставил»). Как бы ни трактовалось это -хе – представляет ли оно просто спирантный вариант к -ke, выражает ли какую-то, не ухватываемую нами категорию, или является результатом специфического (диатезного?) развития того -хе, которое в этрусском может быть показателем не только пассива (*ziχухе* «был написан»), но и медия (*farθнахе* «родился»), с их различными падежными рамками, - в любом случае, благодаря этому форманту нам приоткрывается в ретийском такая глагольная система, где этрусские оппозиции вида *alice* «принес»: *aliхе* «был принесен», *menase* «вручил»: *menaхе* «был вручен» оказываются невозможны.

Для лемносского из-за ограниченности материала решение вопроса о лингвистическом статусе более затруднительно. Однако лемн. *sialχv(e)is* «60-ти» по сути демонстрирует то пратирренское звучание «форманта десятков» *-alx^vi, которое противостоит всем этрусским диалектным отражениям форманта в номинативе -alχ, в генетиве -alχls, -alχals, -alχus, возникшим после сокращения его основы в номинативе и переразложения ее в косвенных падежах (см. 5.1.2, также статью «Тирренские языки»). Иными словами, лемносский в VI в. до н.э. сохранял в письменном обиходе форму, которая, согласно реконструкции, бытовала в дописьменную эпоху в языке-предке этрусских диалектов. Надо бы вспомнить также лемносский генетив *avis* «лет, года», без суффикса -(i)l прослеживаемого при этой основе по всей Этрурии; неэтрусскую огласовку корня *aomai* «был», возможно, скрывающую за собою оформление основы **amaui*; лемн. *šivai* «умер», предположительно, синоним к этр. *zivas* с той же основой, что в этр. *lupu(ce)*, *leine* «умерший, -ие», демонстрирующий слияние пратирренских фонем [s₁] и в лемносской фонеме, передаваемой знаком <ś>. Достоин внимания также и лемносский аффикс окончания генетива в склонении на -(a)l (*Vanalasia*l), противостоящий архаическому этрусскому VII-VI вв. до н.э. и ретийскому -a и идентичный тому, который возобладал в надписях Этрурии под конец архаического периода – и на весь

новоэтрусский. Эти обстоятельства склоняют воспринимать лемносский скорее как особый тирренский язык.

7. Литература.⁵³

Agostiniani L. Duenom duenas: :mlax mlakas //SE,49,1981.

Agostiniani L. Le “iscrizioni parlanti” dell’ Italia antica. Firenze, 1982.

Agostiniani L. La sequenza *eiminipicapi* e la negazione in etrusco // Archivio glottologico italiano, 69, 1984 (1985).

Agostiniani L. Nicosia F. Tabula Cortonensis. Roma, 2000 (=Studia archaeologica, 105).

Boisson C. Note typologique sur le système des occlusives en etrusque //SE, 55, 1987-1988 (1989).

CIE = Corpus Inscriptionum Etruscarum. Leipzig, Firenze, 1893.-

Cristofani M. Introduzione allo studio della lingua etrusca. Firenze, 1973.

Cristofani M. Ancora sui morfemi etruschi –ke, -khe // SE, 41, 1973.

Cristofani M. L’alfabeto etrusco // Popoli e civiltà dell’Italia antica. Vol.VI. Lingue e dialetti. Ed.A.Prodocimi. Roma, 1978.

De Simone C. Die griechische Entlehnungen im Etruskischen. Bd.I-II. Wiesbaden, 1968-1970.

De Simone C. I morfemi etruschi –ce (-ke) e –xe // SE, 38, 1970.

De Simone C. Il morfemo etrusco –si: “Dativo” o “Agentivo”? Questioni di principio// La parola del passato, 51,6 (=291), 1996.

De Simone C. Etrusco *mi mulu Araθiale θanaχvilus Prasanaia* // SE, 62,1996 (1998).

De Simone C. La Tabula Cortonensis: tra linguistica e storia // Annali della Scuola normale superior di Pisa. Classe di lettere e filosofia. Se IV, Vol. 3, 1998 (2000).

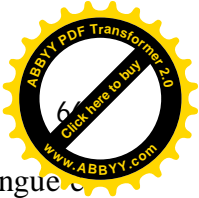
Devine A. Etruscan language studies and modern phonology: the problem of the aspirates // SE, 42, 1974.

Kaimio J. The ousting of Etruscan by Latin in Etruria. Roma, 1972 (=Acta Instituti Romani Finlandiae, 5).

Maggiani A. Casi di scambio φ:θ nell’ Etruria settentrionale // SE, 55, 1987-1988 (1989).

Pallottino M. Testimonia linguae etruscae. 2-a ed. Firenze, 1968 (=TLE).

⁵³ В библиографию не включены работы, посвященные генетическому отождествлению этрусского с каким-либо известным языком (хеттским, древнелатышским, раннеалбанским и т.д.) или зачислению его в одну из языковых семей Евро-Азии (в тюркские, картвельские, восточно-кавказские или иные).

- Pallottino M.* La lingua degli Etruschi // Popoli e civiltà dell' Italia antica. Vol.VI.Lingue e dialetti. Ed.A.Prodocimi. Roma, 1978.
- Pallottino M.* Etruscologia. 7-ma ed. Milano, 1984.
- Pfiffig A.J.* Die etruskische Sprache. Graz, 1969.
- Pfiffig A.J.* Religio Etrusca. Graz, 1975.
- Rix H.* Das etruskische Cognomen. Wiesbaden, 1963.
- Rix H.* La scrittura e la lingua // Gli Etruschi: una nuova imagine. Ed.M.Cristofani.Firenze, 1984.
- Rix H.* Zur Morphostruktur des etruskischen s- Genetivs // SE 55, 1987-1988 (1989).
- Rix H.* Etruskische Texte. Editio minor: Bd.I-II. Tübingen, 1991.
- Schule-Thulin B.* Zur Wortstellung im Etruskischen // SE, 58, 1992 (1993).
- SE = Studi Etruschi.* Firenze, 1927-
- Slotty F.* Beiträge zur Etruskologie.I.Silbenpunktierung und Silbenbildung im Altetruskischen. Heidelberg, 1952.
- Thesaurus linguae Etruscae.* I. Indice Lessicale. Publ. Da M.Pallottino a cura di M.Pandolfini Angeletti. Roma, 1978.
- Thesaurus linguae Etruscae.* I.Indice lessicale: ordinamento inverso di lemmi. Roma, 1984.
- Thesaurus linguae Etruscae.* I.Indice lessicale. Primo supplemento. Roma, 1984.
- Thesaurus linguae Etruscae.* I.Indice lessicale. Secundo supplemento. Roma, 1991.
- Thesaurus linguae Etruscae.* I.Indice lessicale. Terzio supplemento. Roma, 1998.
- Цымбурский В.Л.* Заметки по этрусскому языку и культуре.1.Этрусские имена божеств входа: анатолийские истоки //Этрусски и Средиземноморье. М., 1994.
- Цымбурский В.Л.* Фракизмы в ономастике Этрурии и в ее пантеоне // Славянское и балканское языкознание: Человек в пространстве Балкан. Поведенческие сценарии и культурные роли. М., 2003.